

Дарья Донцова

А ПОМОН НА МИЛЛИОН

Дарья Аркадьевна Донцова
Аполлон на миллион
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 48

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9309100
Аполлон на миллион : роман / Дарья Донцова: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78900-9

Аннотация

Что может быть для женщины важнее свадьбы – тем более если она не в первый раз выходит замуж! Дарья Васильева отправляется в агентство «Стрела Амура», чтобы обсудить меню торжественного ужина. При виде спутника невесты, полковника Дегтярева, владелица фирмы чуть не падает в обморок. Оказывается, тот вел дело об убийстве ее дочки и бывшего мужа и пропаже миллиона долларов и не нашел преступников. Придется за поиски взяться Даше! Окунувшись в расследование, она, как заклинание, повторяет ключевые слова в той давней истории: девяносто четвертый год, армия, лебедь. С датой, в принципе, понятно – тогда произошло какое-то важное событие. Но при чем тут военные и птица? И как грабежи обменников с убийством кассирш связаны с добропорядочной

семьей Ермаковых? А еще, кстати, очень интересно, куда все-таки пропал миллион долларов?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	75
Глава 10	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дарья Донцова

Аполлон на миллион

© Донцова Д.А., 2015

* * *

Глава 1

Если ваша свекровь стала невероятно ласковой с невесткой, лучше даже не думать о том, что натворил муж...

– Дашенька, очаровательно выглядишь, желтый цвет тебе удивительно к лицу, – промурлыкала Зоя Игнатьевна.

Я вздрогнула и расплескала кофе на скатерть.

Я не глупая ревнивица, не шарю у любимого мужчины в мобильном в поисках эсэмэсок от других женщин, не подслушиваю, с кем он говорит по телефону, не читаю тайком его почту. Я доверяю Маневину, потому что знаю – Феликс меня любит. Кроме того, он честный человек, и, если его чувство остынет, он не станет тайком бегать налево, а открыто скажет: «Прости, Даша, более не хочу жить с тобой». Вот только у нас с ним пока все хорошо, мы готовимся к свадьбе. Почему же тогда меня встревожили слова Зои Игнатьевны?

Кстати, называть ее свекровью неправильно, она бабушка моего жениха. Феликса родила Глория, с которой мы после знакомства быстро сблизились и подружились. И мне давно стало понятно, что по сути своей мать намного младше сына, Феликс для нее скорее заботливый брат, который из всех сил пытается удержать ее от неразумных поступков.

– Канареечный цвет выгодно оттеняет цвет твоих волос и глаз, – продолжала тем временем Зоя Игнатьевна.

Я расплылась в улыбке, хотя внутренне еще больше напряглась. Отчего, спросите вы, у меня возникла такая реакция? Сейчас поясню.

Пепельной блондинке, каковой я являюсь, свитер ярко-лимонного цвета подходит как кошке седло. Его мне вчера преподнесла безо всякого повода Глория. Она поехала в магазин за шампунем, но не дошла до отдела косметики, увидела в витрине свитерок из катушечных ниток и кинулась его мерить. Лори он не подошел, но это же не причина, чтобы отказываться от покупки! Вечером она вручила мне пакет и прочирикала:

– Чудесный свитшот, жаль, мне он совершенно не к лицу. А вот тебе будет впору. Не хотелось оставлять такую прелесть на прилавке, и я подумала, пусть она Дашеньку радует. Носи на здоровье!

Я, конечно же, сразу померила подарок, поняла, что похожа в нем на цыпленка с острой формой болезни печени, но, не желая расстраивать Лори, похвалила свитер. А сегодня утром спустилась в нем к завтраку. Отчего я решила щеголять в пуловере, который состарил меня лет на двадцать и придал коже лица нездоровую желтизну? Ответ прост: ничего со мной не случится, если погуляю денек в образе канарейки, больной гепатитом, зато Глории будет приятно. И я достигла цели – увидев на мне свой подарок, Лори радостно улыбнулась.

Правда, ее младший брат Игорь отреагировал иначе, за-

явив бесцеремонно:

– Выброси кофту, ты в ней похожа на агаму бородатую.

– У Даши нет бороды, – зачем-то возразила Глория. – И кто такая эта Агама?

– Ящерица, – пустился в объяснения Игорь, – если ее напугать, то ноги станут ярко-желтыми.

– Да ну? – восхитилась Лори. – И чем же она плюется?

– Кто? – не понял Гарик.

– Твоя агама, – уточнила сестра. – Если ноги того, кто ее до ужаса довел, резко меняют цвет, значит, ящерка на них плюнула. Чем? Ядом?

– Лапы от страха желтеют у агамы, – ответил Игорь.

– А-а-а... – протянула Глория. – Ты неточно выразился, вот и непонятно.

– Я всегда говорю ясно, – надулся Гарик.

– Нет, – возразила сестра, – секунду назад ты заявил: «Если ее напугать, ноги станут ярко-желтыми». Следовательно, речь шла о человеке.

– Нет, о пресмыкающемся, – уперся Игорь, – это ясно любому дураку.

– А вот я не поняла, – парировала Глория.

– Делай выводы насчет своей сообразительности, – схамил братец. И снова посмотрел на меня. – Дарья, тебе шмотка вообще никуда!

– Дорогой, принеси лекарство из аптечки, – вмешалась в разговор Зоя Игнатьевна.

Игорь, не торопясь, вышел в холл, за ним упорхнула Глория. Мы с пожилой дамой остались одни, и она принялась на все лады расхваливать свитер. Я же, слушая ее, терялась в догадках, не понимая, отчего ректор института проблем человеческого воспитания внезапно превратилась в медовый кекс.

– Дашенька, как вы относитесь к антиквариату? – внезапно кардинально сменила тему беседы Зоя Игнатьевна.

– Не люблю то, что до меня принадлежало чужим людям, – честно ответила я. – Вот солонка, сахарница и лопаточка для торта, оставшиеся мне от бабушки, очень для меня ценны, я храню их в серванте. А почему вы интересуетесь?

– Многие люди обожают вещи с историей, – голосом Лисы Патрикеевны продолжала бабушка Феликса, – и готовы отдать любые деньги за, например, чашку, из которой пил граф Монте-Кристо.

Я сохранила серьезное лицо.

– Упомянутый вами граф никогда не существовал, его придумал Эдмон Дантес, дабы наказать своих врагов, а Дантеса, в свою очередь, сочинил писатель Александр Дюма. Следовательно, чашки, из которой пил мстительный аристократ, не могло существовать, если ее кто-то продает, то это нечестный человек.

Пожилая дама предпочла не обращать внимания на мои слова.

– Антикварный бизнес приносит большую прибыль, аук-

ционы «Сотбис» и «Кристи» процветают. Дашенька, у меня к вам просьба: выслушайте Гарика, у него родилась замечательная идея. К сожалению, сама я сейчас не могу помочь мальчику ее осуществить, мое финансовое положение оставляет желать лучшего, но вдруг вы заинтересуетесь, станете инвестором бесприкрытого бизнеса.

У меня с души свалился булыжник. Так вот в чем дело! Мой жених тут ни при чем, Зоя Игнатьевна просто подлизывалась ко мне, нахваливала ужасный желтый свитер, чтобы мне понравиться. Она прохладно относится к Глории и Феликсу, а вся ее любовь досталась Игорю. Зоя Игнатьевна обожает «мальчика» и постоянно поддерживает его потуги стать успешным предпринимателем. Что тут плохого, спросите вы? Да ничего, кроме одного – Гарика в голову постоянно приходят «гениальные» идеи. Он разводил грибы вешенки; пытался дрессировать пуделей-домработников – по его задумке, псы могли бы ходить в магазин за продуктами; еще, если память мне не изменяет, он выращивал черепах, собираясь поставлять в магазины их яйца, а также разводил лягушек, чье мясо, по словам Гарика, нежнее куриного...

Одной из последних его «бизнес-идей» было натаскивание собаки породы пагль на поиск трюфелей. Кто-то уверил его, что Мафи легко найдет в лесу заросли драгоценных грибов, а Игорь легко продаст их за огромные деньги владельцам ресторанов, и предложил Гарика приобрести у него пса за крупную сумму. Естественно, Мафи оказалась не способ-

на к подобной работе, да и не растут трюфели в Подмоскowie. Игорь обозлился на собаку, которая, на беду, обладает шkodливым характером, и непонятно, какая судьба ждала бы безобразницу. Мафи пожалела я, и теперь она живет в Ложкине, получив статус собаки хозяйки дома. А в голову Гарику, похоже, залетела очередная «гениальная» идея, но вот только у маменьки опустел кошелек...

Зоя Игнатьевна приняла мое молчание за знак согласия и крикнула:

– Игоречек! Дорогой!

– Что надо? – неласково спросил сын, всовываясь в столовую.

– Дашенька жаждет поговорить о твоём антикварном бизнесе, – засуетилась старушка. – Иди к нам, объясни свою задумку.

– Сейчас принесу нужное, – ажитировался Гарик и умчался.

Вскоре из глубины дома раздался громкий звук, словно кто-то уронил нечто тяжелое, затем донесся лай собак, сопровождаемый сердитым криком ворона Гектора.

– Дорогой, что случилось? – забеспокоилась Зоя Игнатьевна.

– Все в порядке, мамуль, – заверил сынок, втаскивая в комнату большую сумку и водружая ее на стол. – Вот! Уникальный экземпляр. Сейчас продемонстрирую.

– Ну, я поехала на работу, – подхватила его маман, – вы

уж тут вдвоем детали обсудите.

Я попыталась отвертеться от беседы с Игорем:

– Я очень тороплюсь, надо пообщаться с Маргаритой и Эвелиной, сотрудницами агентства «Стрела Амура», которые занимаются организацией нашей с Феликсом свадьбы.

– Мне много времени не понадобится, – пообещал Игорь, расстегивая на саквояже молнию. – Вот, ядро Рылькина.

– Кого? – спросила я, увидев черный шар на ржавой железной цепи.

– Рылькина, – повторил Гарик.

– Это кто такой? – изумилась я. – И зачем ему понадобилось ядро?

Игорь выпучил глаза.

– Ты в школе училась? Про покушение на царя слышала? Рылькин хотел его убить, но не вышло.

– Вероятно, ты имеешь в виду декабриста, поэта Кондратия Федоровича Рылеева, – вздохнула я. – Он был одним из руководителей восстания на Сенатской площади в тысяча восемьсот двадцать пятом году. Группа дворян, в основном офицеров гвардии, пыталась не допустить восшествия на трон императора...

– Нет, я про Рылькина говорю, – перебил Гарик. – Его звали... сейчас сопроводительный документ покажу... где же он... Ага, во! Ксенофонт Рылькин родился в одна тысяча триста девятом году. Через двадцать один год он покусился на... на... Вот же пишут неразборчиво! На Ивана Калитки-

на, вроде такая у царя была фамилия, тут еще цифра стоит, то ли один, то ли четыре, почерк неразборчивый.

– Иван Первый по прозвищу Калита? – осенило меня.

– Точно! – обрадовался Гарик. – Рылькин хотел его задуть, напал на царя, когда тот купался, начал топить, но верный слуга Ивана Юрий Коротконогий спас правителя.

– Наверное, Юрий Долгорукий, – усмехнулась я. – Но он никогда не был лакеем, он князь, сын Владимира Мономаха, считается основателем Москвы. И Долгорукий никак не мог желать смерти Калите, потому что умер в тысяча сто пятьдесят седьмом году в Киеве, задолго до рождения Ивана Первого.

– Женщины обожают спорить по любому поводу, – поморщился Гарик. – Я тебе про Коротконогого говорил, а ты мне про Долгорукого талдычишь. Где логика? Это разные люди. Короче, Рылькина сослали на каторгу, он там это ядро на ноге таскал, пока не скончался. После смерти заключенного ядро отдали Коротконогому на память...

– Стоп! – скомандовала я – Отвечай на мои вопросы.

– Невоспитанно перебивать человека, – обиделся Гарик.

– Если хочешь заполучить меня в инвесторы, придется потерпеть, – отрубил я. – Где ты взял ядро?

– Купил на «блошке», – пояснил предприниматель. – Повезло удивительно!

Но я решила выяснить подробности.

– Подошел к прилавку, увидел товар и схватил?

Игорь понизил голос.

– Конечно, нет. Раритет никто открыто не выложит, надо знать, к кому обратиться. Мне помогли. Подсказали.

– Вот с этого места повествуй в деталях, – потребовала я.

И услышала дивную историю.

Глава 2

В последние месяцы Гарик полюбил гулять по толкучкам. Особых денег, чтобы покупать выставленную там ерунду, у него нет, поэтому он просто рассматривал статуэтки, табакерки, бижутерию. Чаше всего любимый сыночек Зои Игнатьевны посещал барахолку в подмосковном Браткине, где торгуют в основном женщины рукоделием или семейными реликвиями. Гарик тормозил у прилавков, рылся в коробках, вступал в разговоры с владелицами барахла. Беседа перетекала от одной темы к другой, и когда рынок закрывался, у Игорька возникало ощущение, что день прожит не зря. Вон он какой молодец – не валялся на диване, не пиялся, как некоторые лентяи, в телевизор, а занимался делом, обсуждал возможность создания нового бизнеса, например, открытия магазина с шерстяными носками-варежками или кафе, где будут продаваться домашние чебуреки. Много идей можно подцепить на «блошке», надо лишь выбрать ту, которая зажжет в душе огонь, и вложить в нее деньги.

Люд на базаре встречал будущего олигарха приветливо. Оно и понятно – Гарик хорошо одет-обут, пахнет дорогим одеколоном, ездит на новенькой иномарке. Кроме того, Игорь нежаден, легко мог угостить какую-нибудь тетушку обедом в местном кафе. Только не подумайте, что он пытался соблазнить кого-то из симпатичных молодых торго-

вок. Нет, нет! Во время трапезы Игорь обсуждал с ними бизнес-план, рассказывал, какое количество денег может влить в дело. Вот только он никак не мог определиться, с кем лучше организовать совместное предприятие.

Позавчера Гарик копался на лотке у старушки Евгении Федоровны, рассматривал надтреснутые статуэтки советских времен, книги, значки. Ничего особо интересного или ценного у старушки не было, и Игорь уже хотел переместиться к другой точке, но тут к пенсионерке подошла женщина неопределенного возраста и спросила:

– Сказала ему?

– Нет, Марточка, – испуганно ответила старуха. – Лучше не надо.

Незнакомка подбоченилась.

– Хочешь, чтобы я умерла?

– Что ты, доченька! – перекрестилась Евгения Федоровна. – Дай бог здоровья тебе богатырского.

– Мама, не юродствуй, – сердито перебила ее Марта, – немедленно выкладывай правду.

– О чем? – любопытствовал Игорь.

Старушка бочком-бочком стала отодвигаться в сторону, а отойдя от столика, поспешила к выходу.

– Эй, ты куда? – завопила Марта. – Товар на кого бросила?

– Присмотри за ним, – не оглядываясь, велела мать. – Дело у меня. Срочное.

А дочурка, всплеснув руками, обратилась к Гарику:

– Видали? Думаете, она и правда занята? Фигушки. Маман хочет посмотреть сериал «Сорокины», и плевать ей на потенциальных покупателей!

– Неправильный подход, – осудил бабуку Гарик, – неделовой. Евгении Федоровне повезло, что вы появились. Иначе не видать бы ей, в прямом смысле слова, многосерийной ленты. А что вашей маме следовало мне сообщить? Может, сами поделитесь?

Марта покусала нижнюю губу.

– Вы вроде решили свои деньги в чужой бизнес вложить?
– Думаю над этим, – кивнул Игорь. – У вас есть выгодное предложение?

Собеседница понизила голос:

– Мастерскую по ремонту обуви знаете? У метро расположена, на первом этаже жилого дома.

Гарик напряг память.

– Вроде видел вывеску.

– Ступайте туда, – зашептала Марта. – Как войдете, скажите мастеру: «Коля, я от Коротконогой».

Маневин галантно возразил:

– Зачем вы на себя наговариваете? Ножки у вас прелестные.

Марта хихикнула.

– Это моя фамилия, законная, так в паспорте указано. Короче, отправляйтесь к Николаю. Я прибегу туда минут через десять, только мамину лавочку запру, окна снаружи де-

ревянными щитами закрою.

– Давайте помогу вам, – вежливо предложил Игорь.

– Ни в коем случае! – вздрогнула Марта. – Не надо, чтобы местные узнали про нашу дружбу. Бегите к Коляну, там я вам все объясню.

Заинтригованный Игорь выполнил указание и был проведен парнем через помещение мастерской в небольшую кухню. Вскоре туда ворвалась Марта и с места в карьер завила:

– Предлагаю вам франчугу!

Игорь не понял, о чем речь, но бойкая дамочка живо растолковала:

– Не знаете, что означает мудреное слово? Тогда слушайте. Есть, например, сеть детских магазинов «Крокодилчик». Берешь у них разрешение и открываешь еще одну лавочку с этим названием. «Крокодилчик» поставляет тебе свой товар на реализацию, ты им торгуешь, слегка повысив цену. Разница между оптовой и магазинной ценой капает в твой карман.

Я обрела дар речи.

– А, франшиза... Но при чем тут антиквариат и ядро Рылькина?

Игорь насупился.

– Вижу, кое-кто ужасно торопится, поэтому в трех словах излагаю суть. У Коли сеть антикварных лавок «Пыль веков». Он мне разрешит открыть свою под тем же названием, если

я куплю у него франчугу.

– И сколько стоит это удовольствие? – поинтересовалась я.

– Три миллиона, – выпалил Игорь. И, увидев мои вылезающие из орбит глаза, добавил: – Рублей, не евро!

– Погоди, – забормотала я, – ты сказал, что у Николая обувная мастерская.

– Да, – подтвердил Гарик.

– И сеть антикварных салонов? Это странно.

– Почему? – удивился Игорь. – Мужик сначала ботинками занялся, разбогател и взялся за антиквариат. Так все поступают, бизнес должен развиваться. Просто ты крупным делом не ворочаешь, поэтому принципы его управления не знаешь.

– Ага, – протянула я. – Но зачем тебе связываться с Николаем? Начни свое дело, тогда не придется отдавать огромные деньги за чужое название.

– Сразу понятно, что ты не бизнесмен, – снисходительно заметил любимый сынок Зои Игнатьевны. – Рынок антиквариата давно поделен, новенькому пробиться невозможно. И где мне найти товар, чтобы предлагать его коллекционерам? А Николай берет эту проблему на себя.

– Гарик, извини, тебя хотят обмануть, – не выдержала я.

– Николай суперчестный! – возмутился Игорь. – Я отлично его знаю!

– Давно? – прищурилась я.

– Можно провести с человеком жизнь и не понять, каков

он, а можно сразу увидеть суть, – заявил Гарик. – У Коли сеть магазинов по всему миру: Нью-Йорк, Лондон, Париж, Милан... Он мне фото в айфоне показал, шикарный интерьер у точек.

– А сам олигарх сидит в Подмосковье в обувной лавке, – рассмеялась я. – И рядом, как я понимаю, его теща торгует на лотке лабудой.

– Это хобби Коли, – надулся Гарик, – он ботинки из любви к ремеслу чинит.

– Не советую связываться с парнем, – вздохнула я.

– Ты везде видишь мошенников, – забухтел Игорь. – Коля дал мне ядро Рылькина и предложил: «Вот, попробуй продать его, и поймешь, сможешь ли работать с униками, по плечу ли тебе бизнес».

– В принципе это верно, – кивнула я. – И что, теперь ты хочешь, чтобы я приобрела шар с кандалами? Спасибо, милый, не увлекаюсь подобными аксессуарами.

– Дай договорить, а уж потом делай неправильные выводы! – вскипел Игорь – Почему ты все меряешь на деньги? Мы с Николаем договорились так: ядро-антиквариат стоит по оптовой цене пятьсот тысяч рублей. Я его продаю и вручаю Кольке его пол-лимона, а то, что сверх, мое. Николай поймет, что я умело плаваю на рынке антиквариата, и разрешит французу.

– Франшизу, – опять поправила я. – Кстати, слова «оптовая цена» по отношению к антиквариату звучат забавно.

– Чего ты придираешься к фразам? – разозлился Гарик. – Уясни суть преуспевающего бизнеса.

– Где ты возьмешь три миллиона рублей на свою лавку? – полюбопытствовала я.

– Продам ядро, – потер руки Игорь, – верну пятисотку Коле, а на то, что останется, приобрету франчайзу.

– Франшизу, – машинально сказала я. – Ты намерен получить за эту железяку три с половиной миллиона?

– Не меньше четырех, – заявило обожаемое чадо Зои Игнатьевны.

– Хочется посмотреть на покупателя, – пробормотала я. – Значит, денег тебе от меня не надо. Что тогда ты хочешь?

Гарик похлопал ладонью по ржавой цепи.

– История ядра такова. Марта, жена Коли, носит фамилию Коротконогая. Ее предок Юрий, имевший это прозвище, ставшее затем родовой фамилией, спас царя Ивана Калиткина от Рылькина.

– Калиту, – вмешалась я. – Это слово не имеет ни малейшего отношения к двери в заборе. Калита – кошелек, Ивана Первого так прозвали за рачительность, граничащую с жадностью.

А Гарик вещал дальше, не реагируя на мои замечания.

– Рылькина сослали на каторгу, он там умер. Царь же в благодарность за свое спасение сделал Юрия Коротконового маркизом фон Ногов и подарил ему на память ядро, ставшее семейной реликвией, которая передавалась из поколения в

поколение.

Я не сдержалась и расхохоталась.

– На Руси не было маркизов. Ладно, пусть Иван Калита придумал этот титул только для лакея, но объясни, почему его потомки не фон Ногов, а Коротконогие? По какой причине Марта согласилась расстаться с древностью? И последний вопрос: от меня-то тебе что надо?

– Записную книжку с телефонами друзей, – выпалил Гарик. – У тебя знакомых куча, среди них непременно отыщется истинный ценитель антиквариата. Понимаешь, коллекционеры пугливы, и если к ним с обалденно привлекательным предложением обратится незнакомец, не захотят иметь с ним дела. Но совсем по-другому среагируют, если вещь от Даши Васильевой.

Я обомлела.

– Мне предстоит торговать этой ржавой железякой?

– Конечно, нет, – успокоил меня Игорь. – Ты лично не потратишь ни минуты на помощь мне, я все сделаю сам. Просто буду вежливо беседовать с народом: «Здравствуйте, вас беспокоит личный секретарь Дарьи Васильевой. Она предлагает вам уникам...»

– Нет! – подпрыгнула я.

– Текст я придумал на лету, – спохватился Гарик, – не стану возражать, если ты его подредактируешь.

– Не дам тебе контакты, – отрезала я.

– Почему? – изумился Игорь. – Ерундовая же услуга, ни-

чего не стоящая.

– Никогда! – воскликнула я. – И вообще... э... э... вчера я потеряла свою телефонную книгу.

Сказав последнюю фразу, я немедленно обозлилась на себя. Дашутка, когда ты научишься спокойно отказывать людям? Отчего постоянно боишься обидеть дураков и хамов? Ну почему сейчас, словно нашкодившая собачонка, опустила уши, поджала хвост, упала на спину и заблеяла про потерянную где-то книжку с номерами телефонов друзей? Следовало откровенно сказать: «Игорь, ты дурак. В голове у тебя вечно рождаются идиотские идеи. Не желаю, чтобы ты впутывал меня в свою глупую аферу и приставал к близким мне людям с предложением купить кретинское ядро. Все. Конец истории». Ан нет, мне такое слабо!

– Потеряла? – вытаращил глаза Гарик. – Разве ты не хранишь контакты в телефоне? Неужели до сих пор вносишь их в бумажный блокнот?

– Да, – пробормотала я, – и теперь его посеяла. Восстановить номера не могу. И у меня новый айфон. Старый, где были все заметки, пропал... понятия не имею, куда он заделся...

Я перевела дух. Вот так всегда! Если нафантазируешь чуть-чуть, потом придется нагромождать один вымысел на другой, до тех пор пока пирамида лжи не рухнет.

Из коридора раздались шаги, в столовую вошел Дегтярев со словами:

– Дашутка, дай свою машину, моя не заводится.

Не передать словами, как я обрадовалась, увидев Александра Михайловича.

– Дорогой, с удовольствием отвезу тебя в любое место. Уже бегу за ключами! Милый, я тебя люблю!

* * *

– Ты не заболела случайно? – поинтересовался толстяк, когда мы выехали из поселка.

– А что, я плохо выгляжу? – забеспокоилась я. – Просто не успела попудрить носик. Сейчас попадем в пробку, и я поправлю макияж.

– Да нет, ты прямо на шею мне кинулась, когда я вошел в комнату, – продолжал полковник, – обрадовалась до невозможности. Не к добру это! Что случилось? Во что ты опять вляпалась?

Я рассказала Дегтяреву про ядро Рылькина, и он повеселел.

– Игорь идиот!

– Согласна, – кивнула я.

– Объяснила, что не собираешься ему помогать?

– Конечно! – слишком уверенно ответила я. – Так и сказала, прямым текстом.

– Врешь, – вздохнул Александр Михайлович. – Эй, почему ты свернула налево? Нам же прямо. Если не знаешь до-

рогу, включи навигатор.

Я нажала на газ.

– До твоего офиса я докачу с закрытыми глазами, но сначала надо заскочить в «Стрелу Амура», взять меню свадебного ужина. Не беспокойся, долго там не задержусь.

– Ладно, – неожиданно не стал спорить Дегтярев. – У них есть туалет? Можно будет им воспользоваться?

– Вне всяких сомнений, – заверила я.

Глава 3

Войдя в холл, мы с Дегтяревым наткнулись на Эвелину, которая незамедлительно раскудаhtалась:

– Дашульчик! Счастлива, что вы пришли! Как приятно вас видеть! Немного нервничаете перед мероприятием? Ни в коем случае не надо! Ситуация под контролем. Сейчас покажем вам чудесное меню. Вкуснота! Красота!

– Вы разрешите Александру Михайловичу воспользоваться туалетом? – прервала я ее.

– С восторгом! У нас там чудесно! Живые цветы! Тихая музыка! Одеколон! Дезодорант! – затараторила она. – Александрик Михайлович, любименький, вам понравится – вода в бачке голубая, с ароматом моря, туалетная бумага с запахом пустыни! И вы оцените прокладки с тампонами, они нового поколения, супервпитывающие!

Дегтярев покраснел, а я захихикала. О да, женские гигиенические средства крайне необходимы полковнику.

– Сюда, сюда... – суетилась Элевина. – Рита! Дашунечка наша любименькая приехала, она уже в креслице садится. Дашунечка, не скучайте, Ритусик мчится, чую стук ее каблучков. Александрик Михайлович, дайте возьму вас под руку. О! Какие у вас бицепсы!

Дегтярев стал пунцовым и решил удрать от слишком уж приторной дамочки:

– Спасибо, обойдусь без туалета. Лучше в машине посижу.

Эвелина прижала руки к груди.

– О! Полагаете, у нас там грязно? Вы только гляньте! Если пожелаете, вам в комнату блаженных раздумий принесут кофе, фрукты, сигару, виски... Пойдемте, наш любименький Александр! Можно, я отчество отброшу? Вы такой молодой, красивый! Заглянули к нам на разведку? Жениться собрались?

В глазах Дегтярева заплескался ужас.

– Идти в загс? Мне? Да никогда!

– Сначала в туалетик, – пропела Эвелина и уволокла Дегтярева в коридор.

Я вошла в гостиную, села в кресло и через минуту увидела Маргариту, которая, тоже сказав массу приятных слов, положила передо мной лист бумаги со словами:

– Мы составили меню, получилось шикарно. Перед началом церемонии предложим гостям по бокалу шампанского и виандэ на бротиках. Очень удобно, порция на один щелк зубами. В придачу будут фишен с гратином из мелона. Оригинально и вкусно.

– Простите, что такое виандэ на бротиках? – робко осведомилась я.

Рита удивилась.

– Неужели никогда не пробовали? Тоненький кусок роскошной вырезки и хрустящий тостик.

Я приоткрыла рот. Виандэ? Очевидно, это viande, что по-французски означает «мясо». А слово «бродики», судя по всему, происходит от немецкого brot, то есть хлеб. Выходит, гости будут лакомиться бутербродами.

– Фишен с граатином из мелона – это рыба в сопровождении мелко нарезанной дыни? – предположила я, сообразив, что к чему.

– Вы чудесно разбираетесь в высокой кухне, – польстила мне Маргарита.

– Среди гостей будут пожилые люди, им такое сочетание может не понравиться, – закапризничала я.

– Заменим! – немедленно пообещала Рита. – Сейчас...

Голос владелицы агентства «Стрела Амура» дрогнул, она растерянно уставилась на дверь.

– Вы?! – воскликнула она.

Я обернулась и увидела на пороге Дегтярева. Александр Михайлович внимательно посмотрел на Риту, моргнул раз, другой...

Моя собеседница закрыла лицо руками.

– Зачем вы пришли?

– Это просто случайность, – забубнил Александр Михайлович, – я сопровождал Дашу, понятия не имел, кого встречу. И не предполагал, что брачное агентство принадлежит госпоже Ермаковой.

– Зачем вы пришли? Ну зачем? – повторила Маргарита и схватилась руками за шею. – Ой, дышать нечем! Лина... мои

лекарства... там... там...

Эвелина бросилась к письменному столу, выхватила из ящика блистер и подала его Рите. Та быстро проглотила таблетку и прошептала:

– Сейчас мы с Эвелиной вернемся... Простите! Оставим вас на пару минут... Лина, помоги!

– Да, да, конечно, – засуетилась та, – обопрись на мою руку.

– Что происходит? – налетела я на Дегтярева, когда мы остались одни. – Откуда ты знаешь Риту? Почему она так странно на твое появлениеотреагировала?

– Неудобно получилось, – поморщился приятель, – никогда бы не зашел в агентство, если б знал, кто его хозяйка.

– Немедленно объясни, в чем дело, – потребовала я.

Полковнику пришлось рассказать...

Два года назад Люба, пятнадцатилетняя дочь Маргариты и Прохора Ермаковых, придя домой из гимназии, обнаружила в почтовом ящике флешку. Девочка предположила, что это признание в любви от одноклассника Вити Степанова. Мальчик, живший в соседней квартире, постоянно оказывал Любаше знаки внимания: то шоколадку перед дверью ее квартиры положит, то фигурку котенка в почтовый ящик опустит, то притащит новую книгу Смоляковой. Люба воткнула флешку в компьютер и... увидела своего отца Прохора Ермакова. Папа, привязанный ремнями к стулу, заговорил, глядя не прямо, а в сторону, как будто читал по бу-

мажке: «Хотите получить его назад живым? Миллион долларов наличными. Дальнейшие указания в телефонной будке на проспекте Раскова, у дома сто четыре. Времени на поездку три часа. Если не успеете, он умрет. Если обратитесь в полицию, он умрет. За вашим домом следят, все ваши перемещения не пройдут незаметно. Все указания должна выполнять дочь. Если увидим в телефонной будке Маргариту, он умрет».

Девочке стало понятно, что отец озвучил текст, написанный похитителем. Люба бросилась по указанному адресу, а по дороге раз сто позвонила матери, но та не подходила к телефону.

Рита и Прохор на тот момент были в разводе, который произошел по вине мужа. Маргарита любила супруга и верила, что его отсутствие дома по вечерам, а порой и по ночам, обусловлено работой. Прохор ведь фотохудожник, снимает рекламу, и этот процесс, думала жена, может затянуться. Прозрение наступило в тот день, когда Любаше исполнилось тринадцать. Рита решила испечь торт, отпросилась с работы домой пораньше и – застала мужа в постели с соседкой по подъезду. Классическая ситуация. Прохор попытался вымолить прощение, но Маргарита была непреклонна. Муж не стал делить квартиру с имуществом, благородно оставил все жене и дочери, уехал жить к матери, Надежде Васильевне. Он ради дочки хотел сохранить нормальные отношения с бывшей супругой, однако Рита закусила удила и решительно

пресекала попытки отца встречаться с девочкой. Любочка, обожавшая папу, просила мать не мешать их общению, на что Рита наконец ответила:

– Хорошо. Вы можете культурно проводить один выходной день вместе. Подчеркиваю: культурно. Что значит посещать театры, выставки, концерты, а потом ужинать. Маленькое условие: Прохор должен платить алименты, пока же от него ни копейки на твои расходы я не получила.

– Мусечка, но ведь папа сейчас временно без работы! – бросилась на защиту отца Люба.

– У него нет средств на билеты в кино и на мороженое? Решил развлекаться за мой счет, то есть за вход в музей и еду в кафе должна будешь платить ты?

– Папа творческий человек, – чуть не плакала Люба, – он талант, фотохудожник. И баба Надя платит за мою гимназию, это можно считать алиментами.

Маргарита решила сказать дочке правду.

– Милая, мой бывший муж никогда не приносил в семью большие деньги. Его работа в рекламе оплачивалась плохо, и именно я тянула на своих плечах тебя и супруга. Прохор безответственный человек, сначала сидел на моей шее, теперь уютно устроился за спиной у Надежды Васильевны. Чтобы содержать великовозрастного сыночка, пожилая женщина не отдыхает на пенсии, а до сих пор вынуждена работать. Нет, то, что моя бывшая свекровь отсчитывает сумму на образование внучки, нельзя считать алиментами. Это деньги На-

дежды Васильевны, которой я очень благодарна за заботу о тебе. Алименты должен платить муж, а не его мать. Ты вообще на чьей стороне? Знаешь, по какой причине наш развод случился? Виноват в нем Прохор, он изменял мне, а не наоборот.

– Мама, я очень тебя люблю, – всхлипывала Люба, – но и папу тоже. Вот увидишь, он найдет хорошую службу, станет нам помогать...

Однако Маргарита не верила в предприимчивость бабника. Она продала трехкомнатную квартиру, купила однушку и открыла магазин детских товаров.

– Потерпи, солнышко, – говорила она дочке, – через пару лет я построю загородный дом, мы с тобой будем разъезжать по курортам и европейским столицам, накупим себе модной одежды.

В тот день, когда Люба нашла флешку, Рита уже собрала небольшую заначку. Но сумма в миллион долларов была для нее заоблачной.

Глава 4

Любочка без приключений добралась по адресу, который назвал отец, и нашла в будке мобильный телефон. Он сразу зазвонил, едва девочка схватила аппарат.

– Миллион долларов, – прохрипел отец, – в пятницу. Советовый оставь там, где он лежал.

– У нас нет таких денег, – заплакала Люба.

– Нет денег – нет папы, – раздалось в ответ.

– Погодите! – закричала девочка. – Можно заплатить частями? У мамы припрятано пять тысяч долларов. Верните папочку, мама напишет расписку, что должна вам остальное.

Из трубки снова раздался голос Прохора:

– Миллион. Дальнейшие указания позже. Обратитесь в полицию – я покойник.

Представляете, в каком настроении Люба вернулась домой и в какой ужас пришла Рита, услышав эту новость?

В четверг утром бывшая жена Прохора извлекла из почтового ящика другую флешку. На экране опять появился Ермаков, но выглядел он значительно хуже, чем в первый раз. Лицо его было грязным, а когда он начал говорить, стало понятно, что у бедняги нет передних зубов – во рту чернели дыры.

– Автобус пятьсот сорок девять «а», ехать до остановки Зюково. Пересесть на маршрут девяносто четыре «б», сойти

в Анисине. Дойти до церкви. Оставить сумку с деньгами слева от входа на деревянном стуле. В девять вечера миллион должен быть там. Выкуп привозит Люба. Едет одна. Мы следим. Если заметим сопровождающего, Прохор покойник...

Прервав рассказ, Дегтярев потер рукой шею.

– Догадываешься, что произошло?

– Да, – мрачно ответила я, – ни отец, ни девочка домой не вернулись, мать прождала Любу до утра и бросилась в полицию. Ну почему люди верят преступникам?

– По глупости, – пожал плечами полковник. – Многие думают, что, если подчинятся, получают родного человека назад живым.

– Прохору не завязали глаза, – вздохнула я, – уже одно это должно было насторожить родственников. Если похититель не лишил жертву возможности его видеть, значит, и не собирался отпускать ее. И вы не смогли найти преступника?

– Нет, – вздохнул Александр Михайлович. – Он оказался хитер. На пленке были только изображение и голос Прохора, Ермаков сам произносил текст, составленный похитителем. Его сняли на фоне светло-бежевой стены, больше в кадре ничего не видно. Наш компьютерщик попытался выжать из записи хоть какие-то крохи информации, но ничего не добился. Стул, ножки которого видны, обычный, куплен в дешевом сетевом магазине. Подобных полно, определить, кто и когда его приобрел, невозможно. По звуку тоже никаких зацепок. Эксперт сказал, что запись сделали в неболь-

шом помещении, никаких посторонних шумов не зафиксировано. Прохор читал заготовленный текст, и если в комнате кроме него находились люди, то стояли они очень тихо, почти не дыша. Прохор не мог подать никаких знаков руками, их завели за спину. В подъезде Ермаковой не было консьержа, видеонаблюдения и домофона – Маргарита с дочкой жили в бедном районе, денег у жильцов на обеспечение безопасности не имелось, – поэтому выяснить, кто бросил флешку в почтовый ящик, не удалось. Мои парни тщательно опросили местный люд на предмет появления во дворе или в здании посторонних. Сведения оказались неутешительными. Двора фактически нет, вернее, он проходной, через него течет поток людей к метро. Рядом находится крупный торговый центр, многие продавцы и техперсонал – гастарбайтеры, снимавшие жилье в расположенных поблизости пятиэтажках. В подъезде, где жили Рита и Люба, редко увидишь лицо европейского типа. Мало того что все эти таджики и киргизы плохо изъяснялись на русском, так они еще, боясь полиции, прикидывались идиотами. Заверения моих ребят, что они не имеют отношения к иммиграционной службе, а расследуют жестокое убийство и любая деталь может помочь найти преступников, вызывали у контингента панику.

– Тела нашли? – спросила я.

– Да, – кивнул Александр Михайлович, – в церкви. Любу неподалеку от входа, Прохора в том месте, где обычно ставят ларек со свечами, книгами и прочим.

– Церковь не работала? – предположила я.

Дегтярев начал рыться в своем портфеле.

– Ты сегодня на редкость догадлива. Именно так. От божьего храма остались лишь стены и потолок. Службу там не вели с тридцатых годов прошлого века. Деревенька Анисино тихо скончалась в конце шестидесятых годов, нынче в избах живут две безумные бабки, забывшие, как их зовут.

– Отца и дочь застрелили? – спросила я.

– Нет. Применили боевой электрошокер, – после короткой паузы уточнил полковник. – Эксперт предположил, что работал профессионал: он не оставил ни улики, ни даже следов, намотал на ноги пластиковые пакеты. Можно лишь предположить, что размер обуви у него сорок второй, а рост где-то метр семьдесят с небольшим. Это все.

– Мать отпустила девочку одну на встречу с похитителем бывшего мужа? – удивилась я. – Прохор здорово обидел жену, изменил ей, потом не давал денег, а Рита кинулась его выручать? И где она добыла миллион долларов?

– Самый интересный вопрос, на который тоже не нашлось ответа, – хмыкнул Александр Михайлович.

Я уставилась на него.

– Что ты имеешь в виду? Маргарита отказалась сообщить имя спонсора?

– Она его не знала, – поморщился Дегтярев. – Вечером в четверг мать сказала девочке: «У нас нет средств на выкуп, мои жалкие пять тысяч похитителю не нужны. Надо сми-

риться с ситуацией. Ничего поделать мы не можем». Люба спросила: «А если продать квартиру?» – «За ночь? – мрачно усмехнулась Рита. – И наша халупа не стоит миллиона долларов. Единственное, что нам остается, – это молиться за душу Прохора». «Завтра попытаюсь уговорить похитителя!» – с жаром воскликнула дочка. Маргарита категорически запретила ей ехать на встречу с преступником. Люба пообещала остаться дома.

– И мамаша, поверив ей, укатила на работу? – возмутилась я.

Александр Михайлович засопел.

– Нет. Ермакова предполагала остаться дома. Она встала в семь утра, села вместе с Любой пить кофе и... вскоре заснула. Очнулась Рита в районе полуночи, нашла на столе в кухне записку: «Мамусик, прости, бросила тебе в эспрессо снотворное. Я знаю, где достать деньги. Скоро мы с папой вернемся. Целую тебя».

– Девочка-подросток нашла миллион долларов? – изумилась я.

– Сначала мы предположили, что Люба обратилась к своей подруге Алисе Лункиной, – пустился в пояснения Дегтярев. – Ермакова посещала престижную гимназию, в одном классе с ней учились дети богатых людей. Отец Алисы занимается торговлей винно-водочной продукцией, в средствах не нуждается, единственную дочь обожает, ни в чем ей не отказывает. Лункина могла попросить у него нужную сумму.

Но девочка понятия не имела, что происходит у подружки дома, Ермакова свято хранила тайну.

– Странная мысль пришла вам в голову, – удивилась я. – Как бы отец ни баловал дочку, миллион в валюте ни один человек просто так не отдаст. Уж наверное господин Лункин не дурак, он должен был спросить: а как Люба вернет долг?

Дегтярев вытащил из кармана носовой платок и начал промокать лоб.

– За год до похищения Прохора тяжело заболела подружка Алисы, Елена Королева. Диагноз поставили очень нехороший, в России лечить девочку отказались, посчитали безнадежной. Алиса бросилась к папе, и тот оплатил поездку Королевой в Германию, где ей сделали несколько операций. По просьбе дочки Лункин потратил на лечение Лены намного больше миллиона долларов.

– Понятно, – кивнула я. – Но про похищение Прохора, ты сказал, Алиса не знала. Может, Люба кинулась к бабушке, а та вскрыла свой денежный мешок?

Александр Михайлович вновь промокнул лоб.

– Здесь душно, и я опаздываю.

– Давай отвезу тебя на работу, доскажешь историю по дороге, – предложила я.

– А свадебный ужин? – напомнил приятель. – Тебе же надо его обсудить. Мне было важно до Москвы добраться, дальше покачу на метро.

Я дернула толстяка за рукав.

– Не спорь! Маргарите сейчас не до меня, на несчастную нахлынули тяжкие воспоминания, ты же ассоциируешься у нее с самым страшным днем в жизни, когда она потеряла дочь. Доставлю тебя до офиса и вернусь в агентство. Так что там с матерью Прохора? Она могла выделить нужную сумму?

Александр Михайлович направился к двери. Мы вышли на улицу, сели в машину, и полковник продолжил:

– Надежда Васильевна всю жизнь преподавала химию, работала в разных учебных заведениях. Когда был жив Алексей Константинович, отец Прохора, в семье, думаю, водились деньги. Старший Ермаков был одним из руководителей строительной компании, но он исчез.

Я в тот момент выруливала на проспект и от изумления чуть не нажала на тормоза.

– Как исчез?

Полковник пожал плечами.

– Утром ушел на рыбалку и не вернулся. Супруга подняла бучу, поставила на уши многочисленных знакомых, но муж как в воду канул.

– И давно это случилось? – уточнила я.

Дегтярев вытащил телефон.

– Сейчас уж точно и не помню... лет этак восемь-десять назад... Черт! Тут куча пропущенных звонков. Почему я их не слышал?

– Потому что положил трубку в сумку и завалил ее разной ерундой, – усмехнулась я. – Носи мобильный в кармане.

– Вот уж глупость ты предложила! – возмутился толстяк. – Очень неудобно таскать в пиджаке трубку, да и потерять ее легко. И у меня нет в портфеле ерунды, это у тебя в сумочке барахла навалом.

Я повернулась к Дегтяреву.

– Ну-ка покажи, что у тебя при себе.

– Сейчас? – удивился полковник. – И зачем?

– Все равно в пробке стоим, – вздохнула я, – мне просто любопытно, чем набит твой здоровенный портфелище. А я потом продемонстрирую содержимое своего клатча. У кого окажется больше ненужных вещей, тот проиграл и сделает выигравшему подарок.

– О! – обрадовался полковник. – Хочу мыло для бритья в черной коробке, забыл название фирмы. Оно очень хорошее, но дорогое, меня жаба душит самому его купить. Еще я хочу новый станок, а то мой сломался. В общем, с тебя мыло и приспособления для бритья.

– Сломался станок, который Манюня из Лондона привезла? – поразилась я. – Он сделан фирмой, основанной двести лет назад, и очень надежный. Англичане гордятся качеством своей продукции, дают на нее гарантию в четверть века. Я позвоню Маше, пусть разберется, почему ее презент пришел в негодность, и потребует заменить брак. Объясни, что случилось?

– Ну, понимаешь, перед бритьем надо вкладывать лезвие, – забубнил толстяк, – для этого нужно снять верхнюю

часть бритвы, что я и сделал, а она – бац, упала в унитаз и утонула...

– Значит, бритва не сломалась, – едва сдержала я смех, – неуклюжий владелец уронил одну деталь в канализационную трубу. В данном конкретном случае предъявить жалобу производителю не получится.

– Почему? – возмутился полковник. – Сделали ерундовину такой скользкой, что сама из пальцев выпрыгнула. Я никогда ничего не теряю и не ломаю.

– Открывай портфель! – скомандовала я.

Александр Михайлович подчинился и начал комментировать вынимаемые предметы.

– Папка с бумагами. Расческа. Носовой платок.

– Их три, причем один относительно чистый, а два скомканных и несвежих, – уточнила я. – Почему бы тебе не пользоваться бумажными платками?

– Терпеть их не могу, – поморщился толстяк. – У мужчины должен быть нормальный носовой платок, а не клочок хрена.

– Ладно. Но зачем ты таскаешь два грязных? – спросила я.

Александр Михайлович, оставив мой вопрос без ответа, продолжил:

– Кошелек, записная книжка, айпад, айфон...

Я опять не выдержала, переспросила:

– Записная книжка? Ты не хранишь контакты в гаджетах?

Дегтярев надулся.

– Считаешь меня идиотом, который сначала ищет номер в блокноте, а потом его набирает? Я человек прогресса, великолепно овладел современной техникой!

Ну-ну, не стану напоминать толстяку, как он обучался общению с ноутбуком,¹ но у меня появился новый вопрос.

– Тогда для чего носишь при себе обычную записную книжку, если не пользуешься ею?

Александр Михайлович нахмурился, но ничего не ответил, а я отняла у него портфель и радостно воскликнула:

– Ой, сколько тут всего! Жестяная коробочка с леденцами, гора оберток от шоколадных батончиков...

– В Москве днем с огнем урну не найдешь, – объяснил толстяк, – а я не приучен бросать мусор на тротуар.

– Выброси дома в помойку, – посоветовала я.

– Вчера случайно забыл вытряхнуть, – процедил толстяк.

– Только вчера? – уточнила я, разглядывая фантики. – Значит, все это ты слопал за один день? Раз, два, три, четыре, пять шоколадок, две упаковки чипсов. А это что? Вафли «Лесная быль» с плодово-ягодной начинкой. Их еще выпускают? Когда-то я очень любила такие. Столько сладкого за один день? Да у тебя скоро объем талии совпадет с ростом!

– Не успел пообедать, пришлось хватать в магазине что под руку попало, – буркнул Дегтярев.

Я выудила из одного отделения смятый чек, расправила

¹ О том, как Дегтярев покупал компьютер и учился обращаться с ним, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Приват-танец мисс Марпл», издательство «Эксмо».

его и прочитала:

– Кафе «Греческий рай». Салат оливье, борщ с майонезом, сосиски с картофельным пюре, кофе латте, торт медовик. Однако, интересное у московских греков меню. Вот в Париже в Латинском квартале они другое готовят, борща я в харчевнях с названием «Гурманы Афин» не встречала. Ой, здесь еще штук десять шариковых ручек без колпачков, перочинный ножик, фонарик, одеколон, упаковка ватных палочек и... крохотная баночка паштета для собак мелких пород! Милый, ты не наелся греческими изысками вкупе с шоколадками-чипсами, проголодался и схватил в зоолавке лакомство для псов? Ошибся с размером. Тебе подойдет порция для пожилого тибетского мастифа.

– Почему пожилого? – заморгал Дегтярев.

– Потому что в юности эти собаки стройны, к старости же весят за сто двадцать кило, – развеселилась я, – чем животное больше, тем обильнее содержимое его миски.

– Отдай мои вещи! – рассердился приятель. – Паштет я купил для Мафи. Она ко мне в гости часто забегает, я всегда угощаю пагля.

– Так вот почему Мафуся превратилась в бочонок на тонких ножках! – возмутилась я. – Оказывается, ты ее подкармливаешь!

– Всего-то кусочек патэ даю и пару печенюшек, – заюлил толстяк, – от этого не разнесет. Теперь, когда ты убедилась, что у меня при себе лишь самое необходимое, открывай

свою торбу. Мне хватит двух часов, чтобы изучить ее содержимое?

– Возьми на заднем сиденье, – улыбнулась я.

Дегтярев попытался повернуться, засопел, расстегнул ремень безопасности, закричал, покраснел, так и не смог дотянуться до сумки и разозлился:

– У тебя узкая машина!

– Нет, просто у кого-то большой живот, – хихикнула я, подавая полковнику клатч.

– Это что? – удивился Александр Михайлович. – Мыльница?

– Клатч, – пояснила я.

– И как открыть эту фигню?

Я нажала на кнопку.

– Вуаля!

Полковник вытащил губную помаду.

– Что это такое?

Я изобразила удивление:

– Неужели никогда не встречал такой вид косметики? Ею пользовались еще в Древнем Египте!

– Я не жил во времена Зевса, – проворчал толстяк.

– Он был греческим богом, – поправила я, – к стране пирамид отношения не имел.

– Хочешь сказать, что таскаешь с собой только дурацкую мазилку? – взвыл полковник, заглянув в пустую сумочку. – Где остальное?

Я прикинулась дурочкой.

– Что, например?

– Телефон.

– Вот он, в кармане.

Александр Михайлович притих.

– Ты проиграл! – радостно объявила я. – Кстати, можешь выходить, твой офис через дорогу. Подумаю, что попросить в подарок за свою победу.

Дегтярев молча выбрался из моей «букашки». Я опустила стекло и помахала ему рукой.

– До вечера, милый. Не ешь много шоколадных батончиков, намазывая их собачьим паштетом, иначе ты в свой внедорожник не влезешь.

Александр Михайлович включил скорость и живо удрал в подземный переход. Тихо посмеиваясь, я поехала вперед. Хорошо, что толстяк не знает про вместительную сумку в багажнике моей машинки. Вот в ней масса интересных и жизненно необходимых для меня вещей: косметичка с полным набором для дневного и вечернего макияжа, парочка шарфов, духи, шоколадка... Если честно, я и не помню, что там лежит, но знаю, что все это очень мне нужно.

Глава 5

Не успела я войти в агентство, как Эвелина ринулась навстречу.

– Дашунечка! Сейчас займемся меню. Мы сделали прекрасное...

– Как чувствует себя Маргарита? – перебила я Лину. – Даже представить страшно, как ей тяжело.

Собеседница смутилась.

– Вы знаете о трагедии?

– Александр Михайлович рассказал, – кивнула я. – Поверьте, до сегодняшнего дня я понятия не имела о том, что случилось у Ермаковой. И Дегтярев не подозревал, что бывшая жена Прохора владеет фирмой «Стрела Амура», он просто захотел в туалет. Мне неудобно за доставленные Маргарите переживания.

Эвелина открыла дверь в кабинет.

– Давайте попьем капучино, успокоимся. Рита уехала домой, у нее голова заболела.

– Надеюсь, она меня простит, – пробормотала я.

Эвелина включила кофемашину.

– Вы ни в чем не виноваты, это просто стечение обстоятельств. Полковник ваш приятель?

– Да, – подтвердила я.

Лина поставила передо мной чашку.

– Жаль, что он не захотел найти убийцу Любочки и Проши.

Я кинулась на защиту Дегтярева.

– Александр Михайлович опытный профессионал, но иногда преступник оказывается очень-очень хитрым. И нельзя ведь заниматься одним делом бесконечно.

– Понимаю, – вздохнула Эвелина, – если в отведенный срок не достигнут результат, папку запихнут в архив и забудут о ней. А несчастному человеку, потерявшему близких, придется жить, зная, что преступники на свободе.

Я отпила кофе.

– Согласна с вами, это очень несправедливо. Вы давно знакомы с Ермаковой?

Эвелина положила ногу на ногу.

– Я приехала в клинику рожать сына, меня положили в палату, а через час на второй койке разместили Риту. Мой Сережа и ее Любочка появились на свет почти одновременно. Мы тогда смеялись, что они – как бы близнецы, значит, когда вырастут, пожениться не смогут. Вот с тех пор мы и поддерживаем отношения. Еще и жили, оказалось, по соседству. Помогали друг другу, гуляли по очереди с коляской – клали младенцев в один экипаж. Ребята вместе в садик пошли, затем в школу. Они считали себя братом и сестрой, были очень близки. Я после первых родов не могла больше забеременеть, а Рита не завела второго ребенка из-за...

Резко умолкнув, Эвелина схватила из вазочки печенье и

быстро засунула его в рот. Определенно, ей не хотелось озвучивать причину, по которой подруга решила не расширять семью.

– Из-за измен Прохора? – предположила я.

Лина поперхнулась.

– Вы в курсе?

Я потянулась к коробке с конфетами.

– Знаю, что причиной развода Ермаковых стала неверность мужа.

Эвелина взяла мою пустую чашку и пошла к кофемашине.

– О покойных плохо не говорят, но Прохор вел себя как идиот. Рита его обожала. Думаете, она не знала про походы мужа налево? Ермаков особым умом не отличался, наврет жене, что на съемках рекламы до полуночи сидел, а от самого чужими духами несет и следы губной помады на рубашке. Но Маргарита делала вид, что верит гуляке. Она бы и дальше прикидывалась, да Прохор обнаглел, в день рождения Любаши уложил в супружескую постель соседку. Мерзавец! Решил, что безответная супруга любую его выходку стерпит. Что оставалось делать Рите, которая не вовремя вернулась домой? Тут уж необразишь, что не в курсе кобелирования мужика, когда сама увидела все крупным планом.

Я кивнула, не перебивая рассказчицу, а та неслась дальше...

Маргарита не стала поднимать скандал, не кинулась на разлучницу с кулаками, молча выскользнула из комнаты,

спряталась на кухне.

Прохор соседку выставил, бросился к жене, понес всякую ерунду:

– Она меня заставила! Я не хотел, впервые бес попутал. Никогда тебе не изменял!

Вот уж чушь собачья...

Рита потаскуна выслушала, потом, не повышая голоса, заявила:

– Складываешь вещи, забираешь, что хочешь, и уходишь.

– Куда мне идти? – испугался Прохор.

– Не знаю, – пожала плечами жена.

– Нет, – отрезал бабник, – квартира моя, ее моя мать купила. С какой радости мне из своего дома уматывать? Ритуся, я же тебя люблю! Давай забудем про глупое происшествие, а? Никуда я не уйду! Всю жизнь с тобой проведу!

– Хорошо, – согласилась Маргарита, – оставайся.

Ермаков, не ожидавший столь легкой победы, обрадовался, а потом куда-то уехал. Когда он около полуночи вернулся, входная дверь оказалась закрыта на щеколду. Жена не впустила его, крикнула из-за створки, что завтра отнесет заявление на развод, на раздел квартиры и на алименты. А утром Прохор приехал к Рите на работу, устроил там скандал...

Эвелина вздохнула и продолжила:

– Подруга тогда уже работала в риелторском агентстве «Мезон». Его владелица Екатерина Бонч-Бруевич моя хорошая знакомая, это я попросила ее взять Маргариту. Вооб-

ще-то Ермакова по образованию педагог, когда-то преподавала, но учителям ведь мало платили. Вот Рита и сменила сферу деятельности, устроилась на фирму, которая торговала детскими товарами. Не один год там трудилась, прилично получала. А за пару месяцев до разрыва с Прохором предприятие обанкротилось. Муж приносил деньги нерегулярно, Рита же потеряла не только зарплату, но и процент с продаж. Она запаниковала, начала бегать по разным учреждениям, искать место, но безуспешно – то график не подходил, то оклад предлагали крохотный, то надо было ездить на другой конец города. Вот я и поговорила с Бонч-Бруевич. Она взяла ее.

– Известная фамилия, – отвлеклась я от темы беседы.

– У Кати в семье сплошь ученые, профессора, академики, военачальники, государственные деятели, – улыбнулась Эвелина. – Знаете, когда твой прадед, дед и отец имели университетское образование, – это накладывает отпечаток на генетику. Катюша не способна на подлость, вранье, я не понимаю, как ей удастся успешно заниматься недвижимостью, оставаясь кристально честным человеком. И она умеет хранить секреты. Через «Мезон» покупают жилье многие звезды, но пресса и посторонние люди никогда не узнают никаких подробностей. Рита и Катя были в добрых, но не близких отношениях, Ермакова о трениях с мужем никому, кроме меня, не сообщала. Когда Прохор устроил в офисе представление, Катя была шокирована и сказала скандалисту: «Вам

лучше побеседовать с женой в укромном месте без свидетелей». «Она не желает со мной общаться», – пожаловался Прохор. «Значит, надо поразмыслить над ситуацией и изменить свое поведение, – посоветовала Катя. – Криком вы ничего не добьетесь». И тут у Ермакова буквально снесло крышу. Он стал материться, орал, что сделает Риту нищей, отнимет у нее дочь, квартиру, разотрет строптивую бабу в пыль. Визжал минут пятнадцать, потом унесся. Знаете, если бы не Надежда Васильевна, Рита и впрямь могла остаться нищей, это ведь мать Прохора приказала ему оставить жилплощадь бывшей жене и дочери.

– Свекровь защитила невестку? У них были настолько хорошие отношения? – поразилась я.

У Эвелины опустились уголки рта.

– Ну... скорее вежливо-интеллигентные. Надежда Васильевна ни во что не вмешивалась, Риту не поучала, ничего ни от нее, ни от сына не требовала. Некоторые тетки детям претензии выдвигают: «Вот женился мальчик, мать забыл! Вези меня в поликлинику, на дачу... принеси продукты... общайся со мной, мне скучно». Надежда ничего подобного не говорила. С Ритой она виделась два-три раза в год, но всегда делала ей на день рождения подарки, как правило, ювелирные изделия, колечки или сережки. А вот внучку бабушка обожала, забирала Любочку на все каникулы. Девочка тоже нежно относилась к Надежде Васильевне. Когда подросла и сама стала ездить по Москве, постоянно старушку навещала,

лето у нее на даче проводила.

– Интересно, где девочка раздобыла миллион? – протянула я.

Эвелина округлила глаза.

– Вот уж тайна! Я у Сережи попыталась выведать, он же все секреты Любаши знал, но сын пребывал в еще большем недоумении, чем я.

– Может, деньги выделила Надежда Васильевна? – озвучила я свое предположение.

Собеседница замахала руками.

– Что вы! Откуда у матери Прохора такие деньжищи? Она жила очень скромно. Она химик, кандидат наук, преподает в вузе, не думаю, что много получает.

– Отец Прохора умер? – спросила я, уже зная о таинственном исчезновении бизнесмена.

Эвелина смутилась.

– Там какая-то странная история, мне подробности неизвестны. Слышала, что Алексей Константинович утонул. Вроде как на рыбалку пошел, и там несчастье случилось. Один раз очень неприятная ситуация вышла. Знаете, я раньше встречала Новый год вместе с Ермаковыми. Надежда Васильевна и Алексей Константинович к сыну с невесткой никогда на праздник не присоединялись, они со своей компанией в ресторан ходили. Понимаете, Прохор долго жил с Ритой, не оформляя брака, официально женился, когда Люба уже собиралась идти в школу, девочке шесть лет исполни-

лось. Марго не ощущала себя полноправным членом семьи, ну и Любаша была еще маленькая, а у меня мужа нет, вот мы и собирались у Риты дома в своем кругу. Потом, когда Алексей Константинович пропал, Надежда Васильевна к нам присоединилась и с тех пор всегда тридцать первого декабря приезжала к сыну с невесткой в гости.

Эвелина помолчала секунду, затем мотнула головой, как бы отгоняя сомнения, рассказывать дальше или нет. И решилась:

– Однажды, это лет пять назад было, Проша накушался шампанского, догнал коньяком, окосел и предложил тост... за здоровье отца. Надежда Васильевна сохранила внешнее спокойствие, но у нее щека задергалась, тик начался. Рита мужа за рукав потянула: «Сядь. Мы сейчас помянем Алексея Константиновича». А Прохор возразил: «Нет, надо за здоровье бокалы поднять! Папа жив!» Такая пауза за столом повисла! Мне стало очень некомфортно. Хорошо хоть дети отсутствовали – Сережа с Любочкой подарки в детской потрошили. Прохор еще рюмку опрокинул и чуть со стула не упал. Рита мужа в спальню повела, а Надежда Васильевна мне сказала: «Эвелина, уж извините за неприятную сцену. Вы же знаете, Алексей Константинович пропал, ушел удить рыбу и не вернулся. Мужа признали умершим. Я смирилась с потерей, а Прохор до сих пор не может, все надеется, что отец вернется. Но ведь прошел не один год, нет Алексея Константиновича в живых. Обычно Проша при посторонних не

демонстрирует своего горя, а сегодня выпил и не сдержался. Простите его! Сын никому не хотел испортить настроения».

– Не повезло старшей Ермаковой, – пожалела я незнакомую пенсионерку, – с мужем беда приключилась, потом сын и внучка погибли.

– Некоторым людям судьба полный мешок несчастий отсыпает, – вздохнула Эвелина. – Скажите, Дашенька, правильно ли я поняла, что вы близко дружите с полковником?

– Да. Но у нас исключительно приятельские, а не любовные отношения, – уточнила я. – Александр Михайлович прекрасный человек и опытный полицейский.

Эвелина тронула меня за руку.

– Можете попросить его продолжить поиски убийцы Любочки? За это я вам хорошую скидку на услуги устрою – двадцать процентов.

– Я помогла бы Маргарите бесплатно, но Дегтярев вряд ли возобновит расследование, – ответила я. – У него нет на то причин.

– Пожалуйста, попробуйте убедить полковника, – принялась упрашивать меня Лина. – Думаю, когда преступников поймают, для Риты наконец-то закончится ужас, в котором она живет.

Мне стало неудобно – не очень приятно отказывать человеку, да еще в такой ситуации.

– Тридцать процентов скидки, – предложила Эвелина. – Пятьдесят!

До того, как она начала сыпать цифрами, я уже хотела сказать: «Ладно, попытаюсь поговорить с другом». Но сейчас язык прилип к гортани. Ведь если я соглашусь, получится, что я соблазнилась возможностью сэкономить!

Эвелина молитвенно сложила руки.

– Вы оплатите только еду, остальное за наш счет!

Я занервничала и фальшиво бодро воскликнула:

– Ой, совсем про меня забыла! Давайте обсудим закуски!

– Значит, не можете, – прошептала Лина. – Извините меня за настойчивость. Не дай бог никому пережить то, что выпало на долю Риты. Небось она каждый день просыпается и думает: «Солнышко светит, но Любаша его больше никогда не увидит, а вот ее убийца продолжает наслаждаться жизнью».

У меня защемило в носу, и я выпалила:

– Сделаю, что смогу. Но не предлагайте скидку, я не торгую своей дружбой с Дегтяревым. Дайте мне контакты Екатерины Бонч-Бруевич.

– Сейчас... – засуетилась Эвелина. – Я ей позвоню, попрошу с вами встретиться, записывайте номер.

Глава 6

Около пяти вечера я позвонила своей подруге Раечке и осведомилась:

– Как дела?

– У меня отлично, а вот у тебя не очень, – зашептала Рая. – Дегтярев обозлился, приказал мне ни в коем случае тебе не помогать. Что у вас произошло?

– Не хочешь чайку попить? – предложила я. – С пирожными. Знаю замечательную кондитерскую недалеко от твоего дома.

– Сижу на диете, – грустно отозвалась Раечка. – Не пойми откуда пять лишних кило прибежало, теперь не ем сладкого.

– Жаль, что ты отказалась, – продолжала я. – Ладно, съезжу одна за эклерами с заварным кремом и корзиночками, попью горячий шоколад.

– Заварной крем... ооо... – простонала подруга. – Такой же, как в тех трубочках, что раньше продавали в булочной в Столешниковом переулке?

– Не поверишь, вкус детства, – коварно продолжала я, – а в корзиночках грибочки из взбитых сливок.

– Через час, о'кей? – засуетилась Раечка. – Пришли эсэм-эской адрес. Ведь от пары пирожных беды не будет, как ты думаешь?

На секунду меня охватило недоумение. Ну почему неко-

торые женщины, слопав кусок торта весом в пятьдесят граммов, поправляются на два кило?

Я отправила Рае название улицы и поспешила в кафе, решив занять столик заранее. Вдруг сегодня, как назло, в кондитерскую станет ломиться народ?

* * *

– Давно не ела такой вкусноты! – восхитилась Раечка, двигая к себе чашку с шоколадом. – Смолотила три эклера, а еще корзиночек хочется.

– Так закажи сколько душе угодно, – предложила я.

– Не влезут, – призналась подруга, похлопав себя по животу.

Я живо нашла решение проблемы:

– Можно взять их домой.

– И почему столь простая идея не пришла в мою голову? – встрепенулась Рая. – Ладно, теперь докладывай, что тебе надо?

– Узнать кое-какую информацию, – ответила я.

Рая ухмыльнулась.

– Ага, я даже знаю, какую именно. Дегтярев, запрещая помогать тебе, орал, что ты хочешь засунуть нос в дело об убийстве Прохора и Любви Ермаковых. Грозил сожжением на костре, если я подпущу тебя к папкам, поэтому я уже отыскала их.

– Вот спасибо! – обрадовалась я, вынимая из сумки ноутбук. – Можешь перебросить мне на почту?

– И уже отправила, – усмехнулась Рая.

– Хорошо иметь подругу, которая тебя без слов понимает, – обрадовалась я. – А тебе не трудно поискать еще материалы об Алексее Константиновиче Ермакове? Это отец Прохора.

Райса открыла ноутбук.

– Сейчас гляну, но не все можно запросто увидеть.

Пока подруга шарила в Интернете, я просматривала полученные материалы и поняла, почему Дегтярев зашел в тупик.

Изучение флешек ничего не дало. Опрос свидетелей тоже. Где похитили Прохора, осталось неизвестным. Утром рокового дня он сказал матери:

– Поехал к клиенту, вернусь через пару дней, у меня заказ на съемку в Екатеринбурге.

Больше Прохора никто не видел. Люди Дегтярева вмиг установили, что на самом деле Ермаков Москву не покидал – ни на самолете не улетал, ни на поезде не уезжал. Надежда Васильевна на вопрос, где трудился Прохор, ответила:

– Сын был талантливым фотохудожником, его часто приглашали на съемки, он много работал для рекламных проектов, готовил свою выставку. Место его службы вам не назову, знаю лишь, что Прохор контактировал с разными агентствами.

Подчиненные полковника стали шерстить рекламщиков,

а те отвечали:

– Прохор Алексеевич Ермаков? Мы с ним дел не имели. В Москве полно фотографов, почти все фрилансеры.

При обыске его комнаты была найдена дорогая фотокамера без карты памяти, в ноутбуке обнаружилось много снимков разных мест Москвы и Подмосковья. Похоже, бывший муж Маргариты бродил по улицам в поисках интересных кадров. Но никаких намеков на рекламу там не было. В социальных сетях сын Надежды Васильевны не состоял, в его почте нашли лишь письма от разных магазинов, торгующих мужскими товарами. Следовательно выяснил, что Ермаков раньше частенько приобретал дорогие обновки, следовательно, у него водились деньги. Однако некоторое время назад он перестал бегать по бутикам. Надежда Васильевна заявила, что сын прилично зарабатывал, а потом что-то случилось, и заказов на съемки не стало. Маргарита же твердила иное:

– Супруг приносил копейки. Да, он был франтом, следил за модой, средства на новые рубашки-пиджаки-ботинки давала ему мать. Так он мне объяснял, когда приносил в дом пакеты с логотипами брендов.

– Глупости! – вспыхнула Ермакова-старшая, узнав о словах бывшей невестки. – Вскоре после развода у сына появились материальные проблемы, фирмы стали сокращать рекламу, и тогда я, естественно, начала помогала мальчику. Но до этого Проша зарабатывал сам. Он очень обрадовался, получив

вызов в Екатеринбург, до этого безрезультатно искал клиентов.

Дегтярев предположил, что похититель прикинулся заказчиком. Правда, никаких следов общения Ермакова с посторонним человеком не нашли. Сотовый Прохора не отыскали, распечатка его звонков и эсэмэсок ничего не дала. Сообщения он получал только от дочери, а звонил лишь матери, Любе и бывшей жене. Полицейские предположили, что у Ермакова могла быть отдельная трубка для рабочих контактов, однако ни у одного оператора мобильной связи клиента с таким именем не нашли. Хотя номер можно купить у серого дилера, не давая свои паспортные данные.

С одной стороны, получалось, что Рита говорит правду, сообщив, что муж приносил в дом копейки, никаких следов рабочих контактов Ермакова нигде не нашлось. С другой – письма из бутиков свидетельствовали, что Надежда Васильевна права, ее сын имел неплохой доход. Напрашивался вывод: Прохор был не только бабником. Он утаивал большую часть своих доходов от семьи, тратил заработанное исключительно на себя любимого, ел-пил за счет супруги и прекрасно себя чувствовал. Кстати! Фотохудожник катался на дорогих иномарках, которые менял раз в три года. Покупал джипы хороших фирм, а они вовсе не дешевые. У Риты же была крохотная старенькая малолитражка. Женщина объяснила дознавателю:

– Я сама скопила с большим трудом на свою «малышку»,

мужу тачки дарила мать.

Надежда Васильевна, услышав вопрос про автомобили, смутилась:

– Сын сам приобретал иномарки. Понимаете, он работал с богатыми людьми и не должен был выглядеть нищим. Рита вечно пилила супруга: «Денег дай, дай, дай...» Узнай она о приобретении джипа, необходимого Проше исключительно из-за работы, такой бы скандал закатила! Вот сын и попросил: «Мама, скажу ей, что внедорожник ты подарила».

– М-да... – протянула я.

Подруга оторвалась от ноутбука.

– Наткнулась на что-то интересное?

– Да нет, – вздохнула я. – Понять не могу, почему женщины живут с врунами, лентяями, пьяницами, хамами и наркоманами. Кормят-одевают убогих, дают им денег на карманные расходы, а мужики, представляющие собой полный ноль, еще и покрикивают на жен, унижают их, порой даже бьют. Отчего бабы позволяют так с собой обращаться?

– Любовь, любовь... – пропела Рая. – Все же ясно – амур тужур и менталитет. В России как считается: ты не замужем? Третьесортная! Штамп в паспорте как знак качества имеется? Значит, у тетки в жизни порядок, она при мужике. А уж что за супруг у нее, не важно.

Я потянулась за пирожным.

– Анекдот в тему. Звонит многодетная Таня своей одинокой подружке Лене. А та сидит в спа-салоне, делает мани-

кюр-педикюр, ножки в теплой ванночке, смотрит телек, пьет кофеек... У Тани же трое детей орут, одной рукой она борщ мешает, второй подгузник меняет, в зубах распашонку держит, пьяный муж в это время поперек кровати храпит, последние деньги на водку спустил, да еще свекровь скандал закатила, упрекает невестку, что та о ее сыне не заботится. Таня трубку плечом к уху прижала и говорит: «Леночка, я прямо за тебя испереживалась: одна до сих пор живешь, семью не завела... Жаль мне тебя до слез!»

– Скорей грустно, чем смешно, – оценила байку Рая.

– Тебе не показалось странным, что некто решил похитить Прохора? – удивилась я. – У Ермакова тогда не было собственной жилплощади, доходов тоже, мать пенсионерка, правда, работающая, но получавшая немного. Кто мог требовать за такого кадра миллион долларов?

Раечка начала подбирать пальцем крошки с тарелки.

– Муж без штанов, зато жена в шубе из горностая. Вероятно, рассчитывали, что у нее золотых дублонов в достатке.

– Для начала вспомним, что Маргарита и Прохор развелись, – возразила я, – причем из-за неверности супруга. Даже если представить, что у Риты было полно денег, она ведь могла отказаться выручать незадачливого Дон Жуана. Бывший муж – отрезанный ломоть. А уж если он обманул женушку, та его, скорей всего, ненавидит. Рита злилась на Прохора, не разрешала ему встречаться с Любочкой. Странно, что вообще стала дергаться из-за его похищения.

– Он симпатичный, – вспомнила о внешности покойного Рая. – Да, да, Прохор был очаровашка. Там есть фотографии, посмотри. Ермаков – мачо, фигура как на рекламе фитнеса. Рита мужа не простила, но, может, продолжала любить? К моменту похищения они уже развелись, жили раздельно, супруга могла позабыть распри. Знаешь, почти все бабы, если только не завели новые отношения, жалеют о разводе, даже когда ушли сами. Бывает же так: одна часть сердца ненавидит, а другая от страсти млеет. Прохор за собой следил, зубы красивые сделал, спереди у него четыре импланта стояли. Недешевое удовольствие. Интересно, кто ему голливудские клыки подарил? Мать?

Глава 7

Официантка поставила на край стола коробку с пирожными, Раечка открыла крышку и внимательно осмотрела заказанное.

– Думаете, я напутала, положила не то? – обиделась де-вушка и убежала.

– Доверяй, но проверяй, – менторски сказала ей вслед Раечка. – Вчера я попросила доставить шефу пиццу с ветчиной, а привезли «Маргариту».

– Значит, Прохору не выбили зубы, их врач удалил, убийца сломал коронки, – пробормотала я.

Раечка закрыла коробку.

– И что?

– Ничего, – вздохнула я. – Считала вообще-то, что наса-женное на титановый корень невозможно выбить. И все рав-но не понимаю: почему Рита решила помогать бывшему му-жу, на которого была сильно обижена?

Раечка почесала нос.

– Хватит повторять один и тот же вопрос. Вспомни себя и Макса Полянского. Сколько лет вы находились в разводе, когда ты со всех ног бросилась спасать ферта, который не очень-то хорошо обращался с тобой, а?²

² История, о которой вспоминает Раиса, описана в книге Дарьи Донцовой «Же-на моего мужа», издательство «Эксмо».

Я не нашлась, что ответить.

– Понятно, да? – усмехнулась Рая.

Я опять уставилась в ноутбук.

– Здесь есть опрос одноклассников Любы, среди них был и Сергей Глазьев, сын Эвелины. С парнишкой поговорили сразу после убийства девочки. Он сказал, что понятия не имел о происходившем. А вот мать его опросили аж через неделю. Интересно, почему? Лина же была близким Маргарите человеком. А-а-а, поняла! Прохор и Люба погибли пятнадцатого мая. Шестнадцатого утром Маргарита обратилась в полицию, и в этот же день у Эвелины скончался гражданский муж, Николай Семенович Кузнецов. Вот здесь есть пометка: «Вызывали для беседы, не явилась в связи со смертью сожителя». У Кузнецова случился инфаркт.

– Да уж, не повезло подругам, – подвела итог Раечка.

Я оторвалась от компьютера.

– Ну, что там насчет Алексея Константиновича Ермакова?

– Пока ничего, – вздохнула подруга. – Надо глубже копать, на поверхности пусто. Слушай, если Дегтярев узнает, чем ты занимаешься, а заодно и я по твоей просьбе, ох, и обозлится! Прямо слышу его слова, что вечно Дашутка у него под ногами путается.

Я вынула кошелек, поманила официантку, собираясь расплатиться, и напредила:

– Сколько лет ты сидела в приемной Александра Михайловича? Получила высшее образование, не раз помогала его

парням в расследованиях, но босс не переводил тебя в отдел. Ты долго подавала ему кофе – до тех пор, пока я не втянула тебя в свое расследование. И что случилось после того, как мы все разузнали, а? Ты теперь кто? Полноправный сотрудник! Моя привычка мешаться под ногами у полковника оказалась весьма полезной.

– Ладно, ладно, не обижайся, – произнесла Рая, – помогу тебе. Напиши, что надо, мне домой пора.

– Подумаю немного и набросаю списочек необходимого, – обрадовалась я.

И тут же услышала звонок своего телефона. Судя по определенному номеру, меня беспокоила Нина Конкина.

– Привет, Дашенция, – затараторила она. – Как дела?

– Чудесно, – воскликнула я, – сижу в кафе, пью чай с пирожными.

– О-о-о-о... – простонала Конкина. – Вот ведь...

Рая встала и, помахав мне рукой, двинулась к выходу.

Я закрыла рукой айфон.

– Сейчас пришлю перечень материалов, которые мне потребуются.

– О'кей, – кивнула подруга.

Я снова включилась в беседу с Конкиной.

– Это же несправедливо – Васильева лопает все и не толстеет, а мы с Ксюхой целый месяц сидим на диете Пукана и все равно разжирили, – договорила Нина.

– Вероятно, вы не поняли советов врача, – засмеялась я. –

Кстати, впервые слышу о докторе Пукане.

Нина издала завистливый стон.

– Ну да, ты же можешь не заморачиваться с едой, а мы, бедняжечки, наизусть всю диетологию выучили. По Дюкану жили, по Монтиньяку голодали, по группе крови питались, жрали белки отдельно от углеводов... Толку – чистый ноль с минусом! Все Степа виноват! Полетим с ним в Милан на шопинг, я мужа сразу предупреждаю: «Котик, я практикую жесткий голод». Он понимающе кивает: «Зая, поддерживаю, мне жена с попой, как у бронетранспортера, не нравится...»

Я схватила сумку и пошла к выходу из кафе, затем к машине, попутно прикидывая: интересно, где у боевой машины пехоты филейная часть? Наверное, там, где нет пушки.

– Но плохо получается, – чирикала тем временем Нина. – Ношусь весь день по бутикам, держусь из последних сил, кофе не пью, сладкое не пробую... А вечером как наверну лобстера! Да с пастой! И тирамису до кучи! Степа же в ресторан идет, я с ним, не бросать же любимого. Кстати, ты открыла антикварную лавку? Супер! Достань моей Ленке диван в малую гостиную. Катюшка Бонч-Бруевич нашла для моей дочки шикарный дом.

Услышав уже знакомую фамилию, я удивилась.

– Ты знакома с Бонч-Бруевич?

– Катюню все знают. Разве вы с ней не встречались? – удивилась Нина.

– Нет, – пробормотала я.

– А как ты особнячок в Ложкине приобретала? – поразилась Конкина. – Наши только с Катюшей дело имеют. Трудно найти честного, умного, хорошего человека в бизнесе недвижимости. Очень странно, что вы не знакомы. И у Кати же мопс, как у тебя. Его зовут Фанди. Такой прикольный! Еще... Слушай, а зачем я тебе звоню?

– Просто поболтать? – предположила я, выезжая на проспект.

– Нет, нет, имелась идея, – забормотала Нина. – Ты мне вообще-то жуть как нужна, сейчас-сейчас... Котик всегда советует: «Зая, если в середине беседы ты упустила, о чем говорила вначале, отмотай назад и вспомнишь». Дашенция, о чем мы журчали, когда я тебе звякнула? Мне этот, как его, фамилию забыла... ну... как в телике... черт... мешает он...

Я окончательно перестала понимать, про что толкует Нина, а она не успокаивалась.

– Ну же, Дашуня! Мужик с иностранным именем... телегерой... кукла... моя Ленка все его смотрела, уроки делать не хотела, гувернантку до слез доводила. Дашута! Ты его знаешь! Подскажи имя!

– Чье? – попыталась я справиться с задачей.

– Живет в семье... сам хрен знает откуда... меховой, правда, шуба у него дерьмовая, не рысь, не леопард, не горностай, подозреваю, что синтетика. Хотя сейчас искусственные дохи в моде, подиум в них шагает. Мы с Котиком в Париже сидели на показе, я захотела фиолетовый полушубочек

из чебурашки, а муж на дыбы встал: «Зая, у моей жены не будет полупердона из фальшивого кота!» И, представляешь, купил соболя. В пол! А зачем мне пятнадцатый баргузинец? Хотела коротенькую жакеточку! Из кролика! И что? Запретил Степа жилет из зайчика, всучил мне соболька. Очень у меня жизнь тяжелая! Прямо невыносимая! Так, о чем мы говорили раньше? Зачем ты мне звонишь?

– Это же ты мой номер набрала, – возразила я.

– Да ну? И что я хотела? Господи, у меня, наверное, этот... как его... А, вспомнила! Герой сериала... коричневый, шуба у него дрянь, на лице хобот с пятачком... Как его зовут? Ржачный сериал! Он инопланетянин.

– Альф? – осторожно предположила я.

– Дашенция! Гениально! Значит, первая часть фамилии того мужика Альф, теперь надо вторую вспомнить. Есть идеи? – затормошила меня Нина.

– Что за человек? – вздохнула я. – Зачем он тебе?

– От него память пропадает, – пожаловалась Конкина. – Длиннущая фамилия, молдавская. Начало мы нашли: Альф. А какое окончание?

Я призадумалась. Молдавская фамилия? На ум пришли писатели Ион Друцэ, Владимир Бешлягэ, Анатол Кодру.

– Окончание, как у игрока, – напирала Нина. – Ну же, Дашенция... соображай...

Я попыталась получить от Конкиной хоть какую-то информацию о человеке, который лишил ее памяти:

– Во что он играет?

– Да нет же, он вроде врач. Фамилия начинается на Альф, а дальше... так еще игроков называют... ну в Интернете, у них соревнования бывают...

– Геймер? – осенило меня.

– Оооо! Дашка! Гениально! – обрадовалась Нина. – Мой Котик, когда я тупить начинаю, ржет: «Зая, к тебе Альфгеймер припер, скоро будешь вместо конфет жрать пуговицы».

– Альцгеймер! – подскочила я. – Нина, что тебе от меня надо? Скажи прямо и четко.

– А-а-а! Немедленно направо! Скорей! А-а-а-а! – завопила Конкина. – Ложись!

Я, не понимая, что происходит, резко крутанула руль, чуть не столкнулась со здоровенным джипом, вклинилась в соседний ряд и закричала:

– Что случилось? Зачем мне нужно поворачивать?

– Фу... – выдохнула Нина. – Я не тебе командовала, а горничной. Котик купил новую статуэтку, шестнадцатый век, бронза, велел ее в гостиной поставить. И что? Верка тяжеленную вещь на край стола поместила, совсем ума лишилась, и она падать начала. Ору ей: «Направо! Немедленно направо!» Думаешь, Верка скульптуру передвинула? Фигушечки! Сама отпрыгнула! Ну неужели не ясно, что тяжелое, как... Оооо, тяжелое... Дашенция, Альф отступил! Вспомнила, зачем ты мне нужна! Ты же теперь владеешь бизнесом по продаже антиквариата! Из штаб-квартиры в Нью-Йорке

звонил управляющий международной сети твоих аукционов Гарик. Он предложил Котику приобрести за десять миллиончиков... э... пулю, которой убили царя... не помню его имя... во время битвы при... э... Палке? Да, вроде Палка, город такой...

– Это река, – сквозь зубы прошипела я, – только не Палка, а Калка. Сражение при Калке случилось в одна тысяча двести двадцать третьем году между русско-половецким войском и монголами.

– Как только в твоей некрупной голове столько ума помещается? – восхитилась Конкина. – И кто победил? Наши?

– Монголы, – процедила я. – Ниночка, произошла ошибка, я не занимаюсь бизнесом, тебя разыграли.

– Не может быть! – возмутилась Конкина. – Гарик уже едет к нам.

Мне захотелось придушить любимого сыночка Зои Игнатьевны.

– И когда сей фрукт должен явиться?

– В девять вечера, – уточнила Нина. – Котик очень расстроится, если пулю не получит, он ее до соплей хочет.

Желание придушить Игоря возросло.

– Мне кажется, в тринадцатом веке человечество еще не использовало стрелковое оружие. Пусть твой Котик пороется в энциклопедии.

– Да ну? – поразилась Конкина. – И чем же тогда люди убивали друг друга?

– Стрелами, наверное, точно не знаю, – вздохнула я.

Глава 8

Избавившись от Конкиной, я немедленно начала звонить Игорю. Но тот не брал трубку. Затем включился автоответчик:

– Вы соединились с Гарри, управляющим сети антикварных салонов-аукционов, которыми владеет баронесса Дарья Васильева-Макмайер. Сейчас я, к сожалению, не могу ответить на ваш звонок, так как занят переговорами с Джоном Кеннеди. Оставьте свой номер телефона, непременно с вами соединюсь.

У меня от злости затряслись руки. Это уже слишком! Я никогда не носила фамилию Макмайер, хотя барон для нашей семьи совсем не чужой человек.³ Американский президент Джон Кеннеди был убит в начале шестидесятых годов прошлого века. И какое право Игорь имеет использовать мое имя в своих аферах? Где он раздобыл телефон Конкиной? Гарик хоть понимает, с кем связался? Супруг Нины в начале девяностых мгновенно разбогател на торговле цветными металлами. Да, Степан кое-как доучился до девятого класса, поэтому мог поверить в битву при Палке и захотеть приобрести пулю, попавшую во время сражения в русского царя Ивана Калиткина. Но у олигарха есть секретарь Михаил Ва-

³ История знакомства Даши с Макмайером описана в книгах Дарьи Донцовой «Крутые наследники» и «За всеми зайцами», издательство «Эксмо».

димович, вот он энциклопедически образованный человек, который удерживает хозяина от приобретения всех попавшихся на пути «раритетов».

Трубка издала длинный гудок, я откашлялась.

– Игорь, это Даша. Срочно соединишь со мной. Не смей ездить к Степану Конкину! Если ты мне не ответишь, тебе будет плохо.

Вне себя от гнева я припарковалась около красивого дома сталинской постройки и посмотрела на часы. Шестнадцать пятнадцать. Екатерина Бонч-Бруевич, наверное, в офисе. Надеюсь, она найдет немного времени для разговора со мной?

Глава 9

Первый, кого я увидела в просторном холле агентства «Мезон», оказался очаровательный мопс с галстуком-бабочкой на шее. Песик медленно приблизился ко мне и начал кружить вокруг.

– Фанди, не приставай! – велела ему стройная женщина, выходя из коридора. – Не бойтесь, он не кусается.

– У меня тоже мопсы, – заулыбалась я, – Роза и Киса. Еще есть Хуч, но он переехал в Париж. Вы Екатерина?

Дама улыбнулась.

– А вы Дарья? Мне Эвелина позвонила, предупредила о вашем визите. Быстро доехали.

– Спасибо, что согласились принять меня, – поблагодарила я, усаживаясь в кресло, – боялась, что вы заняты.

Катя посмотрела на старинные напольные часы.

– Очень кстати образовалось окно. Фанди, отстань! Извините, моя домработница заболела, а собаки не привыкли оставаться одни, пришлось взять их с собой.

– Можно взять Фанди на руки? – спросила я. – Он очень просится.

– Конечно, – разрешила хозяйка кабинета.

Я подняла округлого мопса и улыбнулась.

– Фандюша, ты любишь покушать?

– Точно, – засмеялась Екатерина. – А еще он жуткий по-

прошайка. Сяду пить чай, тут же прибегает и начинает гипнотизировать взглядом. У меня мигом кусок в горле застревает, ощущаю себя жадной обжорой, которая лакомится деликатесами на глазах у погибающего от голода пса. И ведь отлично знаю, что Фанди завтракал мясным паштетом, грыз яблоко, получил вкусные дропсы, то есть съел больше меня. И ветеринар запретил угощать его сыром-печеньем. Но подозреваю, что предки Фандюши жили у Вольфа Мессинга, научились у него гипнозу и передали знание своим детям-внукам. Чем иначе объяснить мое поведение? Все равно даю ему со стола вкусняшки. Нельзя, а... даю.

– Мопсы известные манипуляторы, – согласилась я, – умеют выдрессировать хозяина.

Раздался громкий лай, в кабинет вбежала очаровательная пушистая собачка с остренькой мордочкой и задорно торчащими треугольными ушками.

– Знакомьтесь, чихуахуа Тоффи, – представила Бонч-Бруевич, – обладающий огромной храбростью, несмотря на крошечное тело. По-моему, Тоффи считает себя аргентинским догом. В отличие от Фанди он любит объяснять окружающим, кто в доме главный. Ой-ой, Тоффи запрыгнул к вам на колени! Сейчас на одежде окажется куча шерсти!

– Ерунда, – отмахнулась я. И начала гладить собак, которые пытались вдвоем усидеть на моих коленях. Тоффи тихо рычал на Фанди, тот делал вид, что не обращает внимания на его гнев. В конце концов чихуахуа толкнул мопса, но не

смог спихнуть его на пол. Фанди покосился на задиру и боднул его головой – Тоффи свалился на ковер.

– Чем могу помочь? – перешла к официальной части беседы Бонч-Бруевич.

Я начала чесывать Фанди за ушком.

– Вам, наверное, трудно подобрать сотрудников? Занимаетесь непростым бизнесом, работать с людьми сложно.

– Да, команду единомышленников создать непросто, – согласилась Екатерина. – Но с течением времени в «Мезон» пришли люди, с которыми мне хорошо.

– Маргарита Ермакова принадлежала к их числу? – предположила я. – Она у вас долго служила?

Бонч-Бруевич склонила голову к плечу.

– Простите, Дарья, чем вызван ваш интерес?

– Пытаюсь найти тех, кто убил Любу и Прохора, – честно ответила я.

Катя улыбнулась.

– Вы из полиции? Нельзя ли в этом удостовериться?

На секунду я заколебалась. Очень не хотелось обманывать милую хозяйку Фанди и Тоффи, но, судя по всему, интеллигентная Екатерина ничего не расскажет женщине, которая заявила в ее агентство с улицы и начала задавать вопросы о бывшей сотруднице. Я открыла сумочку и показала собеседнице красную книжечку, купленную в Интернете.

– Вас не затруднит раскрыть удостоверение? – попросила Катя. – Прекрасно. Дарья Васильева, личный помощник

полковника Александра Михайловича Дегтярева. Очень хорошая фотография, обычно в служебных корочках отвратительные снимки. Так. Поняла. Сейчас заварю чай и вернусь.

Я проводила взглядом стройную фигуру хозяйки и начала играть с Фанди и Тоффи. Минут через десять Екатерина вернулась, поставила на столик серебряный поднос с элегантным белым чайником и такими же чашками, начала разливать напиток и неожиданно сказала:

– Вам привет от Гоши Кондратьева.

Я, взяв из вазочки печенье, уронила его. Тоффи и Фанди мигом кинулись к курабье.

– Вы знакомы с Гошей? – удивилась я.

Бонч-Бруевич пододвинула ко мне сахарницу.

– Да.

Я отпила чай.

– Позвонили Кондратьеву и навели обо мне справки?

– Гоша сказал, что Дарья Васильева – злая карма Дегтярева, посланная Александру Михайловичу за то, что полковник в прошлой жизни наделал глупостей, – повторила чужие слова Бонч-Бруевич. – Еще он добавил, что Дегтяреву очень повезло иметь рядом такую женщину, как Дарья, долгие годы вы стоите у него за спиной, и в основу лестницы успешной карьеры его начальника энное количество ступеней положено вами.

Я смутилась.

– Александр Михайлович талантливый, умный, профес-

сиональный сыщик, но иногда он упорно идет по одной дороге, только ее считая главной, и не хочет даже слышать про параллельные тропинки, способные привести к цели. Дегтярев бывает авторитарен, а его команда не смеет сказать шефу, что он не прав, я же просто друг, могу быть откровенна, на меня не распространяется понятие служебной субординации.

Екатерина улыбнулась.

– Гоша заметил, что у вас и среди коллег полковника масса приятелей, например, женщина по имени Раиса, а один из лучших судебных медиков получил от вас в подарок щенка мопса.

Я погладила Фанди.

– Кондратьев, похоже, собрал на меня целое досье. Не думала, что столь интересую Гошу.

– Перед вашим приездом мне позвонила Эвелина, – продолжила Бонч-Бруевич. – Она нежно относится к Рите, переживает за нее, считает ее крайне ранимой, такой же, как сама. Людям свойственно приписывать свои качества другим. А у меня сложилось впечатление, что Маргарита по менталитету паровоз – она после развода начала один бизнес, а после смерти дочери второй. Эвелина иная, ей нужна движущая сила, крепкое плечо. Эви мне сказала: «Катюша, если что-то знаешь, откройся Дарье. Полиция давно перестала искать преступников, Рита делает вид, что у нее все хорошо, но я понимаю, как ей плохо. Лично я с ума бы сошла,

убей кто Сережу, постоянно бы мечтала, чтобы ублюдка нашли и навсегда засадили за решетку. Если вспомнишь что-то значимое, Дарья может надавить на полковника, и тот велит продолжить поиски».

Следовало сказать Екатерине, что Эвелина ошибается, но я промолчала, а владелица «Мезона» добавила:

– Я согласилась встретиться с вами, но была не уверена, что Эвелина вас правильно оценивает. Ей свойственно делать скоропалительные выводы о людях. Например, она выскочила замуж за отца Сергея, будучи знакома с ним менее недели. Я пыталась Эви остановить, но не получилось. Моя подруга мгновенно проникается к человеку любовью, поэтому к ее словам о вас я отнеслась с осторожностью. Ваше удостоверение выглядит полной липой, но выяснилось, что вы знакомы с Кондратьевым, а Гоша профессиональный полицейский, ему я доверяю. Что ж, я отвечу на ваши вопросы. У меня есть сын и дочь, и мне страшно даже представить, что испытала Марго, потеряв Любу. Но я почти ничего о Ермаковой не знаю. Я виделась с нею на вечеринках, которые иногда устраивала Эвелина, наши отношения нельзя назвать дружбой. Когда Лина попросила взять Маргариту на работу, я не отказала, но предупредила, что все служащие сначала находятся на испытательном сроке.

– Почему Ермакова решила стать риелтором? – удивилась я. – Она же по образованию педагог.

Бонч-Бруевич улыбнулась.

– Люди считают, что работа в агентстве недвижимости приносит огромные деньги, причем для этого много усилий тратить не придется. Подумаешь, ерунда, полагают многие, только выбрось объявление в Интернет, и к тебе сразу примчится армия клиентов. График работы будет свободный, можно показывать квартиры в любое время, когда душе угодно, и грести комиссионные лопатой. Женщины рассчитывают, что у них останется куча времени на семью и они быстренько заработают себе на особняк. Но в действительности все иначе. Маргарита побегала с клиентами, поняла, что работа отнюдь не легкая – надо подстраиваться под людей, терпеть их капризы, а доход невелик, и ушла. У нее как раз случился развод, нервы были на пределе.

Катя замолчала.

– Вы знали Прохора? – поинтересовалась я.

Собеседница смутилась.

– Ну... Он к Эвелине на праздники не ходил, я видела его один раз.

– Когда он приехал сюда и закатил скандал? – предположила я.

Собеседница кивнула.

– Некрасивая история. Я сидела в своем кабинете, услышала крик из гостиной и подумала, что кто-то из клиентов потерял самообладание. Продать недвижимость непросто, порой апартаменты по несколько лет никого не интересуют. Главное, не забывать, что на всякий товар рано или

поздно найдется купец. Но сия истина не успокаивает тех, кому срочно нужны деньги. У меня на случай форс-мажора есть успокаивающий набор.

Екатерина встала и открыла крышку красивого старинного секретера. Я посмотрела в просторное отделение и засмеялась.

– Бутылка отличного коньяка, виски, вино, настойка пустырника, коробка дорогого шоколада, сигары, баночка варенья... Подготовились вы основательно. А зачем гора воздушных шариков?

Бонч-Бруевич захлопнула резную крышку.

– Каждый по-своему успокаивается. Большая часть клиентов обходится рюмочкой, женщины предпочитают чай со сладким или капли из аптеки. Но есть у нас один постоянный клиент, так вот, у него хобби раз в два года менять жилье. Старое он выставляет на торги и приобретает новое. Очень эмоциональная личность. Если что-то не получается, сразу впадает в ярость. Тогда моя дочь Таня скорехонько надувает шарики, бросает на пол, мужчина начинает давить их ногами, на четвертом-пятом его отпускает – и все счастливы. Но в тот день Танюши не было, она улетела в Лондон, другие сотрудники тоже отсутствовали, в офисе находились только мы с Маргаритой, а она не очень опытна. Услышав шум, я поспешила к ней на помощь и увидела безобразную сцену...

Екатерина поморщилась.

– Прохор тряс Риту и площадно ругался. Я велела ему:

«Немедленно прекратите и уходите, в противном случае вызову охрану». Он повернулся ко мне и завизжал. Если опустить нецензурные выражения, то смысл его речи был таков: он сам разберется с женой, которая отняла у него квартиру, нажитое имущество, честное имя и любимую дочь. После этого хам отвесил Рите пощечину. Я схватилась за телефон, Прохор еще раз ударил Маргариту по лицу и сбежал. Я усадила Ермакову на диван, открыла тревожный шкафчик и накапала ей настойки пустырника. Но это не помогло – Риту трясло, руки у нее ходуном ходили. Тогда я налила ей граммов двадцать пять коньяка, уложила ее, пошла на кухню, заварила чай, принесла в комнату...

Екатерина покачала головой.

– У меня есть близкая подруга, один из лучших невропатологов России. Когда я ей описала, что произошло с Ермаковой, она сказала: «У некоторых людей, принявших в момент стресса алкоголь, может случиться настоящая истерика. Похоже, твоя сотрудница из их числа». В общем, слушайте...

Рита сидела на полу и била о ковер руками. Увидев меня, она заорала:

– А-а-а, он не знает, что я знаю! А я знаю, я знаю! И то, что знаю, его погубит!

Затем Рита засмеялась и продолжила в том же духе:

– Проша думает, что никто не знает, а я знаю. И про лебедя, и про армию, и про девяносто четвертый год. Если я

ему скажу, что знаю про это, если он услышит, что я знаю, то перепугается и сделает все, что я потребую. Вот так! Да, да, я знаю про лебедя, армию, девяносто четвертый год. Но я его люблю, люблю... и хочу жить с ним... поэтому не могу, не могу...

Смех перешел в хохот, потом Маргарита вытянулась на ковре и затихла.

Шокированная сценой Бонч-Бруевич наклонилась над ней, поняла, что Ермакова крепко спит, подсунула ей под голову диванную подушку, укрыла пледом, а затем позвонила той своей приятельнице, врачу. Услышала про истерию, успокоилась и села работать с документами. Минут через сорок Рита проснулась, начала растерянно спрашивать:

– Где я? Почему лежу на полу?

У нее кружилась голова. Екатерина помогла ей перебраться на диван, объяснила, что у нее случился нервный срыв, надо непременно посетить врача, дабы тот выписал правильное лекарство, дала телефон своей подруги. И вдруг не выдержала, посоветовала:

– Маргарита, если мужчина поднял на тебя руку один раз, он непременно сделает это вновь. Ты в разводе, иди в полицию, напиши заявление на Прохора, я подтверждаю факт нападения на тебя. Ермаков посмел устроить скандал в моем офисе, значит, может приехать к тебе домой и избить. Необходимо остановить его, получит пятнадцать суток или сколько там дают за пощечины, испугается, подожмет хвост. Ведь

все, кто кидается на женщин с кулаками, трусы. Давай прямо сейчас позвоним в отделение.

Ермакова заплакала.

– Ой, Катюша, нет, не надо! Я очень люблю Прохора. Долгие годы ждала, пока он решится на брак, и наконец дождалась, Ермаков повел меня в загс, когда дочке шесть исполнилось. Правда, сделал это под давлением отца, тот приказал ему: «Изволь оформить отношения с Маргаритой. Любе скоро в школу идти, а официально девочка – безотцовщина!» Алексей Константинович внучку обожал. Я прекрасно знаю, каков Прохор, ведь он ни одной юбки не пропустит. Но я его люблю. Люблю страстно, на всю жизнь. Поэтому долго изображала счастливую жену. Застав супруга в постели с соседкой, я бы тихо ушла, прикинулась, что ничего не видела, но рядом стояла Люба. Я ведь забрала девочку пораньше из школы, у нее был день рождения... Ох, не могу на эту тему говорить! Я потребовала развода, мне было так больно, невыносимо. А сейчас стало еще хуже, потому что я поняла: чувство к Прохору не ушло, даже стало сильнее, я мечтаю снова быть рядом с ним. Но первая шаг к примирению сделать не могу. А он не хочет зарыть топор войны. Проше нравится свобода... Единственное, что ему в нашем разрыве неприятно, – это необходимость жить с матерью, поэтому он хочет получить квартиру. Такова правда. Я понимаю, моя страсть к Ермакову – это болезнь, зависимость, как от алкоголя, сигарет, наркотиков. Но ничего поделать с собой

не могу. Нет, в полицию не пойду, потому что надеюсь: Прохор попросит прощения и вернется.

Екатерина, не зная, что еще сказать, развела руками. Потом решила дать совет:

– Рита, нельзя позволять поднимать на себя руку. Не хочешь обращаться в отделение – не надо. Припугни Прохора сама.

Маргарита удивилась:

– Как?

– Ты говорила мне, что тебе известна какая-то тайна, вроде она связана с армией и лебедями. Вот и скажи Прохору: «Еще раз замахнешься, и о твоём секрете узнает вся Москва»...

Я молча слушала владелицу «Мезона». С одной стороны, Катя права, нельзя покорно сносить оплеухи, но, с другой стороны, не следует пугать человека раскрытием его тайн. Это дело опасное.

Бонч-Бруевич взяла на колени Тоффи.

– Маргарита растерялась, потом стала выяснять, какую информацию выболтала, находясь в беспамятстве. Узнала, что подробностей мне не сообщила, и давай лгать: «Катюша, никаких секретов нет, я просто впала в истерику и неслачушь, она не имеет смысла». Но я поняла: Марго действительно известно нечто, способное навредить бывшему мужу. Иначе почему она упорно повторяла: «Это глупость. Ты мне веришь? Я не отдавала себе отчет в том, что говорила. Ты

мне веришь? Забудь о моей болтовне! Забудь!»

Хозяйка агентства вынула из вазочки конфету и начала разворачивать фантик. Фанди кинулся к ней и поставил передние лапки ей на колени.

– У каждого может случиться нервный срыв, – сказала я.

– Я тоже так подумала, – кивнула Екатерина, – поэтому свернула разговор. А через три дня после визита Прохора в «Мезон» Рита подала заявление об уходе. Я не возражала. Ермакова проработала у меня недолго, но я успела понять, что у нее нет данных для службы в риелторском бизнесе. Расстались мы мирно. Через Эвелину до меня доходили кое-какие сведения о жизни Риты, она вроде открыла магазин детской одежды, а после трагедии с Любой и бывшим мужем – агентство «Стрела Амура». Помнится, я поразилась силе духа Ермаковой – потерять дочь и не сломаться удастся не каждой.

– Мне очень хочется поговорить с Надеждой Васильевной. Но, боюсь, она навряд ли станет беседовать с незнакомой женщиной, – предположила я.

– Мать Прохора человек замкнутый, не склонный доверять людям, – согласилась Катя. – Полагаю, пожилая дама вряд ли будет с вами откровенна.

Я почесала Фанди спинку, мопс заурчал от удовольствия.

– Спасибо. Извините, что отняла у вас много времени.

– Всего час, – деликатно заметила Катя. Затем улыбнулась: – И мне было приятно беседовать с владелицей мопсов.

Я протянула Бонч-Бруевич визитную карточку.

– Вдруг вы вспомните нечто необычное, связанное с Ритой, Любой, Надеждой Васильевной или Прохором? Мало-значительный факт, фразу, вызвавшую удивление или раздражение. Тогда обязательно позвоните. И, пожалуйста, дайте мне совет, как лучше говорить с Маргаритой. Так получилось, что именно она сейчас готовит мою свадьбу. Я общаюсь с ней не очень длительное время, но успела понять, что она обостренно эмоциональный человек.

Екатерина начала вертеть кольцо на указательном пальце.

– Вы так полагаете?

Я опять села в кресло.

– Рита называет меня Дасюнечка, Дашанечка, а мой жених Феликс у нее Феликсюнечка, Феликсончик. Маргарита постоянно употребляет уменьшительно-ласкательные суффиксы. Она чуть не плакала, показывая мне альбом с фотографиями организованных ее агентством мероприятий, говорила: «Полюбуйтесь, какая красота! Счастье! Вам еще прекраснее сделаем». Похоже, у Ермаковой оголенные нервы, ей любое событие видится либо прекрасным, либо ужасным, черным или белым, других красок у нее нет. Сегодня, увидев Дегтярева, приехавшего со мной, Маргарита пережила шок, ей стало дурно. Как лучше поступить: приехать к ней домой или позвать в кафе? Одни люди в общественном месте морально собираются, другим лучше на своей территории.

Катя пересаживала Тоффи на диван.

– Сейчас я слушала вас и диву давалась. Вы это про Ермакову рассказывали? В «Мезоне» она вела себя иначе – тихая, неразговорчивая, редко улыбалась. Мне даже пришлось ей сказать: «Клиентам не нравятся мрачные лица. У нас не похоронное бюро, где уместна скорбь, здесь человек подыскивает новое жилье, это же большая радость». Рита подчинилась и старательно растягивала губы в улыбке, говорила с посетителями бодро, но глаза оставались тусклыми. Никакой повышенной эмоциональности я у Ермаковой не замечала. Женщина, которую вы описали, – это скорее Эвелина, такова ее манера общения. Единственное, что могу предположить: Ермакова, работая с клиентами, надевает маску. Потому что решила: в свадебном агентстве должны быть экзальтированно дружелюбные люди. А в качестве примера для себя взяла поведение Эви. Как общаться с Марго, вам лучше подскажет Эвелина, она-то хорошо изучила характер подруги. И к вашему вопросу о необычном. Примерно за неделю до похищения Прохора я зашла в дешевую сетевую кофейню. Показывала одной женщине квартиру, клиентка оказалась тяжелым человеком, я устала, захотела немного взбодриться. В районе Вилино бываю редко, а кофе вообще в незнакомых трактирах не пью. Но у меня кружилась голова, вот я и изменила своей привычке. Кстати, кофе оказался прекрасным, пирожки с яблоками замечательные. Я посидела полчаса, сходила в туалет, а когда вернулась, увидела за соседним, прежде свободным столиком... Маргариту. Вот уж

неожиданность! Мы с ней почти два года не виделись, Ермакова после увольнения в «Мезон» не заглядывала. Рита меня тоже заметила, вскочила, заулыбалась, но мне показалось, что она не слишком рада встрече. Нет-нет, она вела себя приветливо, мы даже расцеловались, чего раньше никогда не делали. Ну так, по-светски, чмок-чмок в воздух... Я спросила: «Как дела? Выглядишь прекрасно». Последние слова произнесла не из простой вежливости. Маргарита и впрямь помолодела, постройнела, сделала модную стрижку, изменила цвет волос, они стали немного светлее. И на лице у нее была настоящая улыбка, а не смайл. Понимаете?

Я кивнула. Екатерина начала перебирать шерсть Тоффи.

– Рита охотно ответила на мои вопросы. У нее все прекрасно. Магазин детских товаров приносит прибыль, но родилась идея нового, более прибыльного бизнеса, и она продала торговую точку, начинает заниматься другим проектом. Каким – не сказала, а я не поинтересовалась. В Вилино Ермакова приехала к подруге, у той день рождения, в кондитерскую зашла купить в подарок торт. Пообщались мы не более десяти минут, я уехала, попала в непробиваемую пробку, включила радио, и полилась песня «Любовь найдет тебя неожиданно...» Тут меня осенило: Маргарита влюбилась! Вот почему с ней произошли разительные изменения, вот откуда улыбка и такой взгляд... мечтательный, как у восьмиклассницы. Вовсе не к приятельнице она прикатила, а на свидание. Рита сидела за столиком лицом ко входу, так устраива-

ются, если кого-то ждут. За время нашей короткой беседы Ермакова послала три эсэмэски, постоянно поглядывала в сторону гардероба, ей было беспокойно. А когда мы прощались, она с облегчением вздохнула. Думаю, Ромео женат, вот Марго и не хотела, чтобы я его увидела. Сообщения она отправляла мужчине, предупредила его, что пока не одна.

– Некоторые женщины боятся, что посторонние сглазят их счастье, – пробормотала я. – Не задержалось ли в вашей памяти название забегаловки?

Екатерина прищурилась.

– Как ни странно, да. Видимо, потому, что было написано с ошибкой – «Шахрезада» вместо «Шахерезада». Кстати, там еще была приписка внизу: «Лучшие пирожки на этом свете».

– Забавно, – улыбнулась я. – Спасибо. Ну, все, я действительно ухожу. До свидания, Фанди, до встречи, Тоффи! Вы мне очень понравились.

Мопс подошел ко мне и тихо заворчал. Я присела на корточки, Фанди деликатно лизнул меня в щеку. Тоффи не стал фамильярничать, но прижался к моим ногам и тихо сказал:

– Гав!

– О! – воскликнула Бонч-Бруевич. – Вы тоже очень понравились моим ребятам, Тоффи сейчас дал понять, что берет вас под свою защиту.

Я выпрямилась.

– Спасибо, дорогой. Если в районе Тверских улиц на меня

нападет дикий леопард, непременно позову тебя на помощь. И Фанди тоже.

– Не сомневайтесь, они прибегут, – серьезно сказала Катя. – Тоффусик ради друга готов сразиться с любым чудовищем, он своим отчаянным лаем самого страшного монстра в бег обратит. А Фанди не издает боевого клича, просто молча подбирается к врагу и ложится ему на голову, используя свои объемы в качестве оружия. С такими друзьями вы будете непобедимы.

Глава 10

Сев в машину, я обнаружила в телефоне восемь вызовов из Ложкина и слегка забеспокоилась. Что случилось дома? Феликс сегодня с раннего утра до поздней ночи занимается с группой антропологов, специально приехавших из разных уголков России, чтобы побывать у Маневина на семинаре. Зоя Игнатьевна на работе, Лори вместе с ней в институте. Где Игорь, понятия не имею. Он, между прочим, так и не сделал попытки связаться со мной. Может, кто-то из животных заболел?

Я нажала на экран.

– Алле, резиденция Васильевой, у трубки управляющая, – объявила Анфиса. – Говорите громко, четко, ясно, а то некоторые набьют рот кашей и злятся, что их не понимают. Алле! Не молчите!

– Трудно начать речь, когда ты не даешь слово вставить, – усмехнулась я.

– Этта кто? – чуть повысила голос домработница. – Имя, фамилия, отчество, род занятий, место регистрации. По какому такому вопросу беспокоите резиденцию Васильевой?

– Фиса, это Даша. Что с тобой?

– Даша? Которая Даша? Представьтесь!

– Владелица резиденции, – торжественно заявила я. – Дорогая, ты заболела?

– Ну, наконец-то! – закудахтала горничная. – Звоню, звоню, а вы как померли! Денежной карточке кирдык, ни копейки сегодня не дала. Срок у нее истек. Я на продукты из своей заначки потратила.

Я извинилась.

– Прости, пожалуйста, не заметила. Прямо сейчас позвоню в банк, они перевыпустят кредитку. Извини, что тебе пришлось свои сбережения потратить.

– Так не в первый раз, – закричала Анфиса, – вечно у вас дома, как у оборванки, налички нет. Забываете про Егора, который аквариум чистить приезжает. Усвистите хрен знает куда, а мужик работу сделает и руку ковшиком складывает. Ну и что делать? Ему же в лапку надо тугрики сунуть. Я в свою заначку шасть, а потом из банкомата-то и возьму. Вы не парьтесь, просто карточку побыстрее оживите!

– Все сделаю, – пообещала я. – А почему ты так странно по телефону разговариваешь? Требуешь имя, адрес...

– Зоя Игнатьевна мне книгу дала, называется «Управление домашним хозяйством. Пособие для горничных, камердинеров и гувернанток», – пояснила Анфиса. – Ну я прямо тундрой себя ощутила! Невоспитанная я, неэтикетичная. Впираюсь к вам в спальню и ору: «Велели разбудить в девять». А так нельзя! Надо сначала постучать, потом из-за двери сказать: «Ваше благородие, разрешите войти, дабы вас с лужи поднять?»

– «Ваше благородие», – стараясь не расхохотаться, попра-

вила я. – Не «ваше», а «ваше». И я не сплю в луже.

– Меня это тоже удивило, – призналась Фиса, – но если по-воспитанному, положено говорить так...

– Наверное, в тексте должно стоять «ложе», – остановила я домработницу, – в книге опечатка.

– А-а-а... – протянула домработница. – Тогда понятно. По телефону я, оказывается, тоже некультурно беседую. Схвачу трубку и алекаю, а если вас дома нет, так и говорю. Хозяйка потом в Ложкино возвращается и допрос мне устраивает: кто ее искал, зачем, чего хотели? А я, балда балдой, моргаю. Воспитанная мадцен поступает не так. Я книжку изучила, основные советы записала и на кухне листок вывесила. Теперь, когда домой пришлепаете и поинтересуетесь: «Мадцен! Кто выражал желание побеседовать с госпожой в отсутствие ее присутствия?» – я уже не стану зенки вылуплять и гундеть: «Фиг его знает, имя не назвал». Теперь я отвечу воспитанно: «Иван Иванович Иванов, гусар, родился в одна тысяча восемьсот семьдесят пятом году в городе Москва, не женат, детей не имеет, образование высшее, не курит, не пьет. Хотел побеседовать с э... сейчас в бумажку гляну, слово там заковыристое такое... э... вот... с проприатершей усадьбы на предмет его временного постоя».

Я закашлялась. Труднопроизносимое для внезапно решившей стать благовоспитанной камеристкой Анфисы слово «проприаторша» я слышала впервые, но что-то мне подсказывало: оно родом из Франции, правильно звучит –

propriétaire и в переводе на русский означает «владелица».

– Фиса, какого года издания пособие, которое любезно вручила тебе Зоя Игнатьевна? – поинтересовалась я, справившись с припадком коклюша.

– Ща pozyрю... – отозвалась Анфиса. И вскоре сообщила:
– Совсем новое, в этом году напечатали.

– Кем? Назови автора учебника, – потребовала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.